

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

КАЖДЫЙ ЛЮБИТ, КАК УМЕЕТ

ИНОГДА ПРЕСТУПНИК ТОЖЕ БЫВАЕТ ЖЕРТВОЙ

Анна Малышева

Каждый любит, как умеет

«АСТ»

Малышева А. В.

Каждый любит, как умеет / А. В. Малышева — «АСТ»,

Лицо этой женщины – как светлое пятно на улицах ночной Москвы. Она молода, красива, очаровательно неуверенна в себе... Неужели она – самая жестокая, самая безжалостная из банды наемных киллеров, снова и снова совершающая преступления – причем даже не из-за денег, а из мести? Ох, не стоило хорошему, даже наивному парню искать эту женщину. Не стоило влюбляться в нее. И трижды не стоило просить ее хоть как-то ответить на вопросы...

© Малышева А. В.

© АСТ

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анна Малышева

Каждый любит, как умеет

*Чем больше в человеке мягкости и добродушия, тем быстрее он
попадает во власть дьявола.*

Эдогава Рампо. «Чудовище во мраке»

ГЛАВА 1

Парень с девушкой сидели на лавочке, шелкали фисташки и запивали их пивом. Они лениво спорили, пойти им в «Макдоналдс» или остаться здесь. Андрей желал остаться – по крайней мере, тут можно пить пиво и курить. Девушка была слегка разочарована:

– Мог бы предупредить, что у тебя нет денег на приличное кафе.

– И что тогда? – Он отвернулся, выдувая струю дыма.

– Тогда бы я не пришла.

Спор был не первый и, наверное, не последний. Они всегда встречались в центре, а здесь для Наташи было слишком много искушений. Кафе, магазины, лотки с журналами, киоски с парфюмерией – все ее привлекало, ко всему она была равнодушна. Андрей старался увести ее подальше от благ цивилизации, усадить на бульваре, отвлечь разговором.

– Во всем виноваты деньги, – сказал он как-то. – Это они тебя заводят! Целый день считаешь чужие бабки и к вечеру думаешь, что тебе все по карману.

Наташа работала в сберкассе, принимала коммунальные платежи, продавала билеты государственных лотерей. Там они с Андреем и познакомились – она навязала ему несколько билетов мгновенной лотереи. Андрей стер с них защитное покрытие, убедился, что ничего не выиграл и, не говоря ни слова, выбросил билеты. Может быть, Наташе понравилось, что парень не стал ее упрекать и отнесся к поражению равнодушно. Она поймала его взгляд и сказала, что не стоит расстраиваться.

– Да я и не расстраиваюсь, – заметил Андрей. – Не верю, что кто-то что-то выигрывает.

Наташа засмеялась:

– Да уж, при мне никто еще машины не выиграл... Зачем же вы тогда их купили?

– Чтобы знакомство завязать, – без особого вдохновения пошутил парень. Но знакомство, действительно, завязалось и имело продолжение. И теперь они встречались уже второй месяц.

Наташа ему нравилась куда больше, когда молчала. Темно-русые волосы до плеч, серые глаза чуть навывкате, ямочки в уголках тщательно подкрашенных губ, всегда высоко открытые ноги... И янтарный цвет кожи, поразивший его при знакомстве – ведь дело было в апреле. Андрей допытывался, где это она так загорела ранней весной. Наташа, запинаясь, рассказывала о горнолыжном курорте в Австрии. Он не слишком ей верил. И вскоре оказалось, что был прав. Как-то, зайдя к ней домой и посетив ванную, он увидел на полке флакон автозагарного средства. Прочитал аннотацию, намазал ради пробы тыльную сторону ладони, и минут через двадцать на руке появилось желтое пятно. «Ну, соврала девчонка, ради красивого впечатления... – подумал он, пытаясь себя утешить. – Нечего было лезть с вопросами». Но с того момента он начал ловить себя на том, что прислушивается к каждому ее слову, проверяет ее, пытается поймать на очередном вранье. А ее фальшивый загар начал его раздражать. Вся Наташа казалась из-за этого какой-то ненастоящей.

Но пока она молчала, он ею исподволь любовался. Они сидели на лавочке, напротив «Макдоналдса», что рядом с Пушкинской площадью, пили пиво, щелкали фисташки и курили...

– Что это? – Наташа вздрогнула и поджала ноги под лавочку. – Слышал?

Он не понял, что ее так встревожило. Увидел, что девушка наклоняется, разглядывает песок под ногами, мусорную урну.

– Слышишь музыку?! – Она была вне себя. – Откуда это? А вдруг бомба?!

Ее страх рассмешил Андрея. Но теперь музыку слышал и он сам. Прimitивное электронное переложение детской песенки. Песенка была очень знакомая, но название он забыл.

– По-моему, это мусорка звучит, – заметил он, отстраняя Наташу. – Пусти... Ну, так и есть!

Среди смятых бумажных пакетов, окурков и пивных банок в мусорном баке виднелась яркая красная штучка, похожая на брелок. Она-то и распевала детскую песенку.

– Пейджер, – Андрей осторожно вынул его и показал подруге. – Прислали сообщение.

Он нажал на кнопку не из любопытства. Ему просто хотелось тишины. Музыка умолкла, и на крохотном экране высветилась короткая надпись: «Какого черта не звонишь? Боишься?». Подписи не было. Наташа, успокоившись, принялась разглядывать находку. Андрей стер текст и положил пейджер в карман.

– Ты возьмешь его себе? – чуть-чуть разочарованно спросила девушка.

– Не знаю... – Андрей машинально тронул оттопырившийся карман. – В сущности, зачем он мне?

– Как зачем? Он ведь работает? Так пусть у тебя будет пейджер.

– Работать-то он работает, но не на меня, – усмехнулся парень. – И вообще, его скоро отключат. Хозяин спохватится, что потерял, и купит новый пейджер и новый номер. А этот перестанет работать.

Наташа подумала и признала его правоту. Пейджер, лишившись ценности, сразу перестал ее интересовать. Они допили пиво, погуляли по бульвару, потом девушка посмотрела на часы и сказала, что до дома доедет одна. Андрей не настаивал на продолжении – сегодня она покапризничала вволю. В метро они спустились вместе, но сели в поезда, идущие в разные стороны.

Пейджер запиликал, когда Андрей подъезжал к своей станции. Он достал его из кармана и раздраженно нажал на кнопку. Все это начинало ему надоедать. Черные буквы гласили: «Немедленно позвони! Если ты против – так и скажи! Не смей прятаться от меня!» Подписи опять не было. Это его удивило. У него у самого не так давно был пейджер, но потом Андрей перестал вносить абонентскую плату и лишился этого блага цивилизации. Сообщения без подписи, как правило, были шуточные: «Будь здоров, Иван Петров!» или «Кто писал – не знаю, а я, дурак, читаю!». Но этот абонент как будто не шутил и все же не подписывался.

«Выброшу, – подумал Андрей. – Незачем таскать с собой чужие проблемы. Хозяин уже просек, что потерял его, игрушка перестанет работать с часу на час». Но что-то мешало ему сделать этот жест. Возможно, простое любопытство. Желание заглянуть в чужую жизнь через замочную скважину. Ему почему-то казалось, что оба гневных сообщения на пейджер прислала женщина.

Женщина, от которой абонент прятался. И чисто по-мужски Андрей его понимал.

Он вернулся домой в десятом часу вечера. Заглянул в комнату отца. Принюхался и понял, что тот опять завалился спать пьяным. Будить его и расспрашивать, с кем отец в очередной раз напился, Андрей не стал. Для этого будет утро, когда отец проспит и станет просить денег на опохмелку. Тот был тихим алкоголиком. Никогда не буянил, не водил домой приятелей, не ломал мебель. Он просто сбегал из квартиры, прихватив деньги на хозяйство или что-нибудь ценное, и возвращался почти без сознания. Заваливался на постель и лежал там мертвым гру-

зом часов двенадцать. Потом покаянно выслушивал упреки, называл себя дураком и подлецом и начинал все сначала.

Андрей не видел выхода из этого порочного круга. Еще два года назад отец выпивал умеренно. Он был классным шофером, научился водить еще до армии, служил в Венгрии, возил генерала. Вернувшись после демобилизации в Москву, продолжал возить разных «шишек» – генерал облагодетельствовал своего шофера. Ему дали двухкомнатную квартиру – к тому времени он был женат, и уже родился Андрей. Как и когда их жизнь стала превращаться в кошмар, Андрей не помнил. Чем больше пил отец, тем чаще болела мать. Отец признавал свою вину перед ней и оттого пил еще больше. Они с матерью как будто соревновались друг с другом – кто быстрее сведет счеты с жизнью. Точку поставила ее смерть. С тех пор отец практически не бывал трезвым. Андрей не мог с ним больше общаться. У отца сильно изменилась речь, он забывал каждое третье слово, часто умолкал и начинал трястись, будто собирался заплакать. Слушать его было невозможно.

Самым худшим было даже не то, что отец мало-помалу распродал все вещи, имеющие какую-то ценность. Хуже было другое. Отец до последнего времени считал, что вполне еще может работать. Эти героические порывы кончились тем, что он, неудачно затормозив, разбил служебную машину и помял иномарку, припаркованную у обочины. Расплачиваться за убытки пришлось Андрею. Продали дачу – единственное место, куда Андрей еще мог пригласить друзей, привести девушку. Он не хотел никому показывать отца. Тот и сам смущался при виде новых людей, окончательно терял дар речи. Жалость мешалась у Андрея с ненавистью. Иногда у него появлялись страшные мысли – когда отец умрет, станет куда легче. Были мысли еще более жуткие – а вдруг он сам когда-нибудь станет таким, как отец?! И Андрей не позволял себе ничего, крепче пива.

Он поставил чайник, сделал омлет, поужинал. На работу надо было идти к полуночи. Андрей работал сторожем на автостоянке, неподалеку от дома. С полуночи до полудня он сидел в застекленной кабинке на курьих ножках, читал газеты, пил кофе, указывал клиентам место для парковки, вел журнал, гонял хулиганов. Для этой цели хозяин стоянки выдавал сторожам два пистолета – стартовый и газовый. И ужасно жалел, что не может им дать настоящее оружие. За стоянкой тянулся широкий проспект, весь желтый от света фонарей. Мигали цветные лампочки на ночном магазине. Шла жизнь, почти такая же оживленная, как и днем. Клиентов Андрей в основном знал в лицо. Среди них было много кавказцев. Некоторые щедро давали на чай, обсуждали с Андреем достоинства и недостатки своих машин. Он неплохо разбирался в технике – к этому его когда-то приучил отец. Своей машины у него не было – ее продали еще до смерти матери.

Андрей поужинал, сделал себе на ночь бутербродов, налил в термос кофе. Перед уходом еще раз заглянул к отцу. Открыл окно в его комнате, чтобы хоть немного освежить воздух. Отец дышал тяжело, в груди у него что-то тонко свистело. Он лежал на скомканной постели прямо в одежде, ботинки валялись у порога. Андрей всегда удивлялся тому, что отец обязательно ложится в постель. Не было случая, чтобы он заснул на полу или в подъезде. Значит, какие-то принципы у него все же оставались.

На стоянке Андрея встретил напарник. Он только что сменил дневного сторожа и теперь раскладывал в сторожке на столике свой поздний ужин – горячие чебуреки. Андрей еще недавно учился с Рамилем в одном институте. Закончив институт, Рамиль не пожелал вернуться в свои родные Набережные Челны. Он остался в Москве, снимал комнату и работал на стоянке, куда его устроил Андрей.

– Приходила Светка, – сообщил Рамиль, принимаясь за истекающий маслом чебурек.

Светкой звали уличную проститутку, промышлявшую рядом с автостоянкой. Она ловила клиентов, которым скучно было возвращаться домой в одиночестве. Таких обычно находилось немало. Их было бы еще больше, если бы Светка выглядела немного иначе. Но она была

довольно невзрачной, хрупкой девушкой очень маленького роста. Бесцветная, несмотря на грубый яркий макияж, вежливая и немножко странная. Светка часто приходила в сторожку погреться, если ночь выдавалась холодная. За тепло и кофе предлагала расплатиться натурой. Андрей ею брезговал и предпочитал даже не пускать ее на порог. Рамиль был куда снисходительней. Светка нравилась ему за малый рост, светлые волосы и обращение на «вы». На «вы» она называла всех – знакомых и незнакомых. Это было очень забитое, несчастное существо, похожее на белую мышь. Был у нее и сутенер. Он появлялся дважды за ночь – после полуночи и перед рассветом. Забирал у девушки деньги и уезжал на своей машине. Светка шла домой пешком. Ребята никогда не видели этого человека в лицо – он всегда останавливал машину подальше.

– Когда-нибудь она тебя наградит сифоном или СПИДом, – пообещал Андрей. – Ты хоть презервативы покупай.

– У нее есть свои, – отмахнулся Рамиль. – Понимаешь, мне ее просто жалко. Никак не могу понять – то ли она двинутая, то ли просто слишком образованная.

Андрей выпил кофе, покурил, обозревая стоянку. Ночь была теплая, синяя, комариная. Неподалеку был канал с застоявшейся водой, и к утру комарье совершенно одолевало вахтеров. Андрей спустился с лесенки, сорвал один из лопухов, буйно растущих вдоль ограды. Отмахиваясь от комаров, он прошелся по стоянке, осмотрел машины. И снова услышал знакомую мелодию. Наконец он ее узнал. Это была старая детская песенка: «Здравствуй, Дедушка Мороз...» «Я его выброшу!» – подумал Андрей. Достал пейджер, нажал на кнопку и прочел текст, от которого ему стало нехорошо.

«Если не придешь, я покончу с собой. Немедленно приезжай! Под памятником Маяковскому, Триумфальная площадь, метро «Маяковская». Подпись: Лена».

«Этого еще не хватало! – Андрей перечел послание и стер текст. – Так я и знал. Баба. Неужели тот идиот еще не понял, что потерял пейджер?! Почему он ей не позвонит?!» Парень был в замешательстве. Он вернулся в сторожку и поделился сомнениями с Рамилем.

Тот осмотрел пейджер и примирительно сказал:

– Чепуха. Никто с собой не покончит. Это она просто психует.

– Понимаешь, баба на взводе, – Андрей с ненавистью смотрел на свою злополучную находку. – Звонит ему весь вечер, и похоже, дошла до ручки. Ты представляешь, если она все-таки покончит с собой?! Я, получается, виноват.

– Чего ради? – удивился Рамиль.

– Не надо мне было брать пейджер. Может, мужик вернулся за ним.

Рамиль такую возможность отвергал. Он вполне разумно заметил, что если пейджер был в мусорной урне, его туда выбросили. Нарочно или случайно, вместе с другим мусором – но во всяком случае, владелец за ним не вернется. Пока Рамиль развивал эту теорию, Андрей быстро соображал. Метро «Маяковская» было не так уж далеко. На машине туда можно было попасть за десять минут – на ночных улицах не было пробок.

– Рэм, – сказал он наконец. – Одолжи на полчаса свою тачку.

– Ты что – собрался ехать? – Рамиль вдруг загорелся. Это приключение представлялось ему очень романтичным. – А как ты ее узнаешь?

– Не знаю. Думаю, в такое время под памятником не слишком много женщин. Найду. – Андрей взял у него ключи от машины. – Я ее просто успокою. Да и себя тоже. Покончит баба с собой, придет на мой пейджер последнее послание. Ты представляешь, какие мне потом сны приснятся?!

Рамиль, похоже, думал по-другому. Скорее всего, он решил, что Андрею хочется размяться. В самом деле, сидеть половину суток на стоянке было не слишком весело. Но он не возражал.

Машина у Рамиля была скверная. Когда-то это была очень симпатичная «Тойота». Но теперь, двенадцать лет спустя, она никакой симпатии не вызывала. Рамиль купил машину на паях с одним своим другом из Владивостока. Это он по дешевке пригнал в Москву «Тойоту», договорившись с Рамилем, что пользоваться они ею будут пополам. Когда его не будет в Москве – машина принадлежит Рамилю. А когда он приедет в Москву по делам, машиной распоряжается единолично. Рамиль уже не один раз пожалел, что принял это предложение. Приятель слишком часто навещался в Москву. А ломалась машина почему-то всегда на службе у Рамиля. Андрей помогал ее чинить, так что машина как бы немного принадлежала и ему.

Он благополучно добрался до Триумфальной площади. Пейджер за это время не откликнулся ни разу. Найдя место для машины, Андрей вышел и пошел к памятнику, одновременно ощупывая карманы. Паспорт был при нем. В такой час им запросто могла заинтересоваться милиция.

Он не ошибся, когда предполагал, что легко узнает неведомую Лену. В тени памятника металась женская фигурка – одна-единственная. Женщина делала два шага влево, два вправо, застыла и снова принималась шагать. Когда Андрей подошел ближе, она замерла на месте.

– Простите, – Андрей достал из кармана пейджер. – Вы посылали сообщение? Вы – Лена?

– Я – Лена, – хрипло ответила женщина. – А вы кто?! Вы от него?

– Я даже не знаю, – Андрей видел, что она перевозбуждена, и говорил очень осторожно. – Я просто нашел пейджер в мусорной урне... Там, у «Макдоналдса».

И махнул рукой в сторону Тверской. Женщина отшатнулась, будто ждала удара. Андрей растерянно опустил руку и сказал:

– Свяжитесь с ним как-нибудь иначе.

Женщина с минуту молча смотрела на него. Андрею было неудобно ее разглядывать. Он заметил только гладкую челку – то ли рыжую, то ли светлую, черный облегающий жакет, шелковую блузку... В основном он смотрел вниз, и потому ему ярче всего запомнились ее туфли – черные, с длинным узким носком, на тончайшей шпильке. «Наверное, у нее есть своя машина, – подумал он. – В таких туфельках много не нашагаешь».

– Это очень глупая шутка, – наконец сказала Лена. – Кто вы такой? Он что – все вам рассказал?! Почему он сам не явился?

– Да я даже с ним не знаком! – Андрей протянул ей пейджер. – Я просто нашел это. Кстати, могли бы ему передать.

Но женщина не сделала ответного жеста. Она огляделась по сторонам и вдруг спросила:

– Там ваша машина?

Она указывала на «Тойоту». Андрей кивнул.

– Хорошо, – женщина сделала шаг ему навстречу. – Поедем.

– Куда?

– К нему! – Она порылась в сумочке, разглядела там что-то и нервно защелкнула замок. – Я вас после такого финта не отпущу. Отвезете меня туда, где он прячется. Негодяй! Он не имеет права вмешивать сюда посторонних!

– Послушайте! – Андрея начал разбирать смех. – Что вы на меня накинудись?! Ищите его сами! Надо же – хотел вам помочь, боялся, что вы и в самом деле с собой покончите... Не знаю я его и знать не хочу! Даже имени его не знаю!

Он повернулся и быстро зашагал к своей машине. Женщина что-то выкрикнула ему вслед, он услышал стук ее тонких каблучков... Но к тому моменту Андрей уже сидел за рулем. Последнее, что он увидел – как Лена споткнулась и чуть не упала. У него мелькнула мысль остановить машину, но он не сделал этого. «Истеричка, – подумал он. – На месте ее хахал я бы тоже выбросил пейджер!»

Андрей застал в домике теплую компанию – Светка, скрючившись на краю табурета, деликатно грызла чебурек, а Рамиль откупоривал пиво. Несмотря на открытое окно, в домике было не продохнуть от сигаретного дыма. Андрей оставил дверь открытой и тоже закурил.

– Здравствуйте, – прошептала Светка, не глядя на него. Она даже чебурек выпустила и застыла, пригнувшись к столу, как приговоренная к отсечению головы.

– Привет, – Андрей присел на пороге. – Как идет бизнес?

Светка несколько раз сглотнула слюну и промолчала. Рамиль разлил пиво в пластиковые стаканы и спросил:

– Как съездил? Спас женщину?

– Оказалась истеричкой, – отмахнулся Андрей. – Решила, что я покрываю ее хахалю.

– Пейджер отдал?

– Черт! Забыл! – Андрей похлопал себя по карману. – Ну теперь уж я его выброшу.

Внезапно Светка насторожилась, повернула голову к двери. У нее оказался более острый слух, чем у мужчин – она первая услышала, как к стоянке подъехала машина. Водитель про-сигналил, и Рамиль спустился вниз. Вскоре там послышался его голос:

– Проезжайте за мной, я покажу, где поставить.

В ответ хлопнула дверца. И в следующий миг Андрей услышал знакомый стук тонких каблучков. Выглянув наружу, он понял, что не ошибся. Это Лена стояла у лесенки, взявшись за перила, и смотрела на него. Теперь он хорошо рассмотрел ее лицо – тонкий нос, пухлый рот, чуть впалые щеки и яростно расширенные темные глаза. Свет из открытой двери падал прямо на нее.

– В чем дело? – еле сдерживаясь, спросил он. – Вы что – следили за мной?

Ее каблучки быстро прогрохотали вверх по ступенькам. Она оттолкнула Андрея плечом и протиснулась в сторожку. Рамиль в полной растерянности стоял возле машины с работающим мотором.

– Это кто? – резко спросила женщина, увидев Светку. Андрей думал, что та совершенно перепугается, но Светка неожиданно ответила:

– Нет, это вы кто такая? Что вы хамите-то?!

Видимо, вежливая проститутка боялась только мужчин. Лена слегка поутихла. Она осмотрела сторожку, в которой было совершенно негде спрятаться. Повернулась к Андрею и прошипела:

– А он где?! Где он?!

– Да идите вы! – не выдержал Андрей. – Теперь понимаю, почему он выбросил пейджер! Вы его достали! Нас тут трое, и больше нет никого! Берите этот чертов пейджер и валите отсюда!

Неожиданно женщина присела на ступеньку лестницы. Она привалилась головой к дверному косяку и бессмысленно уставилась на Рамиля. Тот как раз делал знаки Андрею: «Как говоришь с такой женщиной?!» Но она словно не видела перед собой второго сторожа.

– Тут грязно, испачкаетесь, – робко сказал Рамиль. – Вам плохо? Может, посидите в машине?

Лена явно произвела на него впечатление. А может, не Лена, а ее машина – искристо-фиолетовая «Мазератти». Не машина, а вечернее платье со всеми бриллиантами в придачу. Такая птичка впервые прилетела на эту стоянку. Рамиль считал, что дежурство, на котором появлялась новая иномарка, приносит счастье.

Женщина не ответила. Зато Светка продолжала проявлять инициативу. Она самовольно налила кофе из термоса Андрея. Поднесла Лене стаканчик. Та молча взяла его. Светка сунула ей сигарету, поднесла зажигалку. Та приняла и эти дары.

– Да вы не переживайте, – сказала Светка. – Мужики – все сволочи.

Это незатейливое утешение как будто разбудило гостью. Она выплеснула кофе в лопухи и туда же отправила сигарету. Встала, отряхнула юбку и повернулась к Андрею:

– Давайте отойдем.

Когда они удалились от сторожки настолько, что их уже не могли слышать, женщина остановилась и тихо сказала:

– Я за вами ехала, это верно. Думала, вы меня привезете к нему.

– Я сторож...

– Это и так видно. Где вы нашли пейджер?

– В мусорной урне, – повторил Андрей. И в подробностях рассказал эту историю, передавая тексты всех сообщений.

– Да, их посылала я, – призналась женщина. – Я искала его... Он пропал. Но почему в мусорной урне? Он не мог выбросить пейджер. Какая глупость! Я бог знает что могла ему написать... И что – первый встречный все это прочитает?!

Андрей в который раз протянул ей пейджер:

– Возьмите же! Вернете ему!

Но она отрицательно качнула головой. Блеснула в свете фонаря ее рыжая челка.

– Почему? – спросил Андрей. – Какая мне польза от него?

– Я боюсь, что пейджер выбросил не Олег, – шепнула женщина. Она впервые назвала это имя. – Боюсь, что с ним что-то случилось. Никаких сообщений от него. Ничего. А мы с ним хотели...

Она запнулась и замолчала. Андрей курил и ждал продолжения. К воротам стоянки подъехала знакомая машина – «Москвич» армянина Саши. Саша просигналил, ему навстречу вышел Рамиль. Потом Саша ушел, из домика появилась Светка и тоже исчезла в темноте, за оградой.

– Номер этого пейджера есть только у меня, – вдруг сказала Лена. – Вы правда не знаете Олега?

И тут из кармана Андрея донеслась песенка «Здравствуй, Дедушка Мороз!». Он глупо улыбнулся, вытащил пейджер и нажал на кнопку. Их головы сблизились, и он почувствовал сладкий запах ее духов. Андрей включил подсветку, и они вместе прочитали: «Увидимся утром у тебя. Не связывайся с этой бабой. Подпись: Толя».

– Стереть? – спросил Андрей.

Она пожала плечами. Было видно, что женщина раздосадована и удивлена.

– Номер был только у меня, – упрямо повторила она. – Должен быть только у меня!

– Ну, перестаньте, – чуть-чуть покровительственно посоветовал Андрей и стер послание. – Вас что – в первый раз обманывают?

Она стала еще красивее, когда заплакала. Лена не горбилась, не всхлипывала, не кривила рот. Андрей первый раз видел женщину, которая плачет, как в кино – опущенные ресницы и две блестящие дорожки слез на щеках. Спокойное дыхание, спокойное движение за носовым платком. Но, наверное, она все-таки теряла над собой контроль. Вытащив платок из сумочки, Лена выпустила ремешок, и сумка с грохотом упала на землю. Содержимое вывалилось на асфальт. Андрей бросился подбирать, но Лена схватила его за рукав:

– Я сама!

Он понял, почему она отказывается от помощи, когда увидел пистолет. Он лежал совсем рядом, среди рассыпавшейся косметики и ключей от квартиры. Лена запихала вещи в сумку, вытерла слезы, повернулась и пошла к своей машине. Молча, даже не попрощавшись. И только когда ее машина скрылась из виду, Андрей пришел в себя.

– Она мне дала пятьдесят тысяч! – возбужденно сказал Рамиль, когда увидел напарника. – Крутая баба. Наверное, чья-то жена.

– А ты сомневался? – Андрей захлопнул дверь сторожки. – Жена или любовница.

– Видел ее тачку? – Рамиль со вздохом отправил в рот остатки чебурека. И уже сквозь чебурек добавил: – А ты с ней так грубо!

– У нее в сумке пистолет.

– Сейчас у многих... – Напарник допил свое пиво. – Красивая женщина. Классная машина. Такое добро надо защищать с оружием. Как ее зовут?

А дальше ночное дежурство потянулось обычным путем. К утру Рамиль почти забыл о женщине в «мазератти». Но Андрей о ней думал – пожалуй, больше чем было нужно. Пейджер все еще был у него в кармане. Теперь он не решился бы его выкинуть. Лена могла прислать сообщение. Там были ее слова, ее мысли, ее страхи. Андрей уже не мог допустить, чтобы все это прочел кто-то другой.

* * *

– Вы уже спите? – спросила она, едва переступив порог.

Ей ответила тишина. Она видела, что на кухне горит свет, а в детской комнате – зеленоватый, слабенький ночник. Потягиваясь, навстречу вышла серая кошка. Слабо простонав, она прижалась к ногам хозяйки. Но Лена ее не приласкала. Сбросив туфли, она босиком пробежалась по всем комнатам. Никого. Только в детской спал ребенок. Лена наклонилась над кроватью, убедилась, что Диму переодели в пижаму, укрыли теплым одеялом – он вечно простужался, рос очень болезненным. Но могло быть и хуже... Могло быть гораздо хуже. Во всяком случае, ребенок был вполне нормальным.

Лена вышла в гостиную, включила телевизор, убрала звук. Сняла жакет и бросила его на спинку клетчатого дивана. Взяла на колени телефон, взглянула на часы. Половина третьего ночи. Ее все больше разбирала злость. Как он мог уйти из дома на ночь, бросить Димку одного!

– Свины, – прошептала она и набрала знакомый номер. Она долго ждала, когда на другом конце снимут трубку. Злорадно представляла, от чего могла оторвать любовников. От сна, от разговора, друг от друга? Наконец ответила женщина:

– Да! – Голос был резкий, но в то же время приглушенный. Она как бы кричала шепотом.

– Анатолия быстро позови, сука, – сказала Лена. – Попробуй только трубку бросить! Я вам сейчас туда милицию вызову! От имени твоих соседей, поняла?! Его паспорт у меня, загранпаспорт тоже. Будут выяснять его личность. Хочешь?!

– Ну ты и стерва! – уже громко отозвалась женщина. – Сейчас!

Через минуту трубку взял Анатолий:

– Может, хватит? – спросил он.

– Может быть! – Лене хотелось кричать, но она боялась, что проснется сын. – Во сколько ты ушел из дома?

– Это мое дело.

– А когда ушла Надя? В девять?! Я тебя спрашиваю – в девять?!

Надя – приходящая нянька, являлась в их квартиру к пяти часам вечера, когда у нее в институте кончались занятия, и уходила, уложив ребенка спать. Параллельно с уходом за Димой, она выполняла и другую работу по дому – стирала, сдавала вещи в химчистку, гладила, покупала продукты по списку, прибиралась. Изредка, через «не хочу» и «не умею», даже готовила обед или ужин.

– Ладно, что ты прицепилась ко мне с Надей! – крикнул муж. – Сама во сколько пришла?! Третий час! Пьяная, что ли?

– Я тебя спрашиваю – долго ребенок был один? – безнадежно допытывалась Лена.

Тот повесил трубку. Она несколько раз пыталась дозвониться, пока не поняла, что там отключили телефон. Конечно, милицию она вызывать не собиралась. Лена никогда бы на это

не решилась. Первым движением было позвонить на пейджер Олегу... У нее опустились руки. Пейджер был у чужого человека. Бог знает, у кого.

«Почему я не забрала его... Зачем убежала? – подумала она. – Ну, видел он пистолет, ну и что? Дура, нервы расстроены! У Толи тоже оказался этот номер... Откуда они знакомы?! Как это понимать?!» Других способов связаться с Олегом не было. Он отказался дать ей свой телефон. Для односторонней связи подошел только пейджер – Лена сама купила его для Олега и оплатила обслуживание за шесть месяцев вперед. Он свято обещал ей, что никто другой не узнает этот номер.

– Ты бы знала, сколько я выбросил этих игрушек, – сказал он при этом. – Я никогда не использую один и тот же номер для другого клиента.

Олега ей рекомендовала знакомая. «Замечательный мужик, хотя дорого берет, – доверительно говорила она. – Зато выследил мне мужа – за один вечер! А я сколько за ним моталась по всей Москве?!» Лена по наивности попросила у Олега лицензию на занятия сыскной деятельностью. Тот предъявил ей какой-то странный документ, да в придачу не подлинник, а ксерокопию.

– У меня не агентство, – отрезал он. – Я раньше работал в агентстве. До этого – в уголовном розыске. Теперь я частник. А если не устраивает – иди в другое место.

Говорил он грубовато, резко, как будто совершенно не нуждался в новой клиентке. И этот резкий тон успокоил Лену – значит, дела у Олега идут неплохо. Настораживало, конечно, многое. Он взял вперед пятьсот долларов – на производственные расходы. Потребовал оплатить пейджер – для мгновенной связи: «А я сразу буду тебе перезванивать!» И сразу заговорил с ней на «ты». Ей ничего не оставалось, как последовать его примеру – ведь глупо называть по имени-отчеству человека, который всего на пару лет ее старше. Лене даже показалось, что она весьма заинтересовала Олега, как женщина. Но эту мысль она старалась прогнать – не за это же платить такие деньги!

– Какая у тебя проблема? – спросил он, увидев наличные деньги.

– Хочу проследить за мужем, – она старалась говорить как можно суше и спокойней.

– А, нужен компромат для развода? – ухмыльнулся Олег. Лицо у него было полное, сытое, глаза отечные. Лицо пьяницы или больного человека.

– Да вроде того, – уклончиво ответила она.

– И все же, кто хочет развестись? Он или ты? – настаивал Олег.

Лена, скрепя сердце, призналась, что инициатива исходит от мужа. Что ей хотелось бы знать, насколько серьезны причины. Она догадывается, что у него сейчас есть женщина, постоянная любовница. Но этого мало. Хотелось бы знать имя, фамилию, адрес, телефон этой женщины.

– Чего ради? – Олег продолжал ухмыляться, и это приводило Лену в бешенство. – Ты ей волосы повывирать собралась, что ли?

– А уж это не твое дело! – вспыхнула она.

– Нет, прости уж, мое! – Он нагло рассматривал ее декольте – в тот день было жарко, и Лена очень легко оделась. – Если ты причинишь ей телесные повреждения, то она спокойно может иметь ко мне претензии. Может, ты ее убить решила? Откуда мне знать?

– Твое дело – найти ее адрес и телефон! Она и не узнает, кто их мне дал!

Но словами его убедить не удалось. Убедили его дополнительные двести долларов. Тут до нее дошел смысл рекомендаций, которые дала ему подруга: «Замечательный мужик, хотя дорого берет!» С первой частью этого утверждения Лена была не согласна. А вот вторая часть уже подтвердилась. Вымогать деньги этот человек умел. Хотя, как знать, может, в сыском агентстве с лицензией будет то же самое?

– Зато я тебя шантажировать не буду! – пообещал Олег, получив с нее требуемую доплату. – Мы расстались – и я для тебя умер! Ты для меня тоже. Еще никто не жаловался.

Через два дня Олег ее впервые порадовал. Он выследил ее мужа до самой квартиры любовницы. Видел и девицу:

– Симпатичная брюнеточка, ножки – загляденье, глазки глупые, молоденькая, – так слащаво он описал объект слежки. – Только что ты ее боишься? Твоему мужу всего двадцать восемь. Тебе тридцать. Он к ней не уйдет. Вот если б ему было пятьдесят, тогда другая песня...

Лена попросила его заткнуться и продолжать слежку. Она больше не церемонилась с этим подозрительным детективом. Вскоре у нее был адрес девушки и ее телефон. Ее звали Маша – Мария Андрониковна Гамбарян. Разведенная, бездетная, не судима. Двадцать один год. Мать – русская, отец – армянин. Живет на деньги родителей, нигде не работает, образование – среднее. Охотно знакомится с мужчинами и водит их к себе.

– Может, проститутка на дому, а может – просто веселая девушка, – информировал клиентку Олег. – Достаточно или продолжать?

Лена попросила продолжать. Она хотела иметь фотографии Маши. И по возможности – запись ее разговоров с Анатолием. Или хотя бы стенограмму – о чем любовники говорят между собой, какие у них планы... Под этот заказ Олег взял еще пятьсот долларов и предупредил, что если дело затянется, такую же сумму придется платить каждые три дня.

– Велики накладные расходы, – пояснил он. – Машина, бензин, аппаратура, прочее... Если они пойдут в дорогой ресторан, я тоже туда пойду и сяду за соседний столик. Не могу же я пить только кофе, как Шаропов.

Лена, скрепя сердце, выделила ему требуемую сумму. Она не думала, что слежка обойдется ей так дорого. Средства у нее были – не так давно муж получил деньги за выполненный заказ. Уже второй год Анатолий являлся главой дизайнерской группы. Их фирма оформляла офисы, банки, холлы загородных домов – словом, те помещения, где были популярны витражи. Витражи были не только специальностью мужа – они были его страстью. Ради них он объездил Европу, Прибалтику, побывал в США и Латинской Америке. Семейными финансами у них распоряжалась Лена. Кое-что она относил в банк, а часть доходов мужа обращала в валюту и припрятывала. Он никогда не требовал у нее отчета – слишком привык ей доверять. И вот теперь эти деньги обращались против того, кто их заработал.

– Мне нужен пистолет, – сказала она Олегу, когда они встретились в очередной раз. – Ты можешь его достать?

У него затуманились глаза:

– Это уж слишком. Я оружием не торгую.

– И это плохо! – Лена курила и стряхивала пепел на ковер, себе под ноги. Офиса у Олега не было. Они встречались на какой-то запущенной квартире – скорее всего, Олег ее снимал для работы. – Чего ты боишься? Я нелегально покупаю, ты нелегально продашь. Я же не пойду в милицию.

Наконец он сдался. И у Лены появился «Макаров». Олег показал ей, как обращаться с оружием. Конечно, по-настоящему стрелять она не стала – ведь дело происходило в обычной городской квартире.

– Я уже все понял, – сказал Олег. – Ты, матушка, решила пришить эту бедную Машу Гамбарян. Нам лучше расстаться друзьями. Больше я ничего не буду узнавать.

– Что для меня лучше, я знаю сама, – отрезала Лена. Пистолет придал ей еще больше смелости. – Если ты откажешься продолжать дело, я найду другого. А тебя сдам ментам.

– Это как?

– Докажу, что ты работаешь без лицензии. Не платишь налогов. К тому же продал мне этот пистолет.

Вряд ли он испугался угрозы. Скорее всего, ему было жаль терять дойную корову. Лена получила фотографии девушки, а также запись ее разговора с Анатолием. Запись ее разочаровала – об их намерениях не было сказано ни слова. Любовники говорили о том, какой ремонт

может преобразить неказистую Машину квартиру – она жила в обычном блочном доме на окраине Москвы. Эта тема разбудила в Анатолии профессионала, и о любви он не произнес ни звука. Потом разговор переключился на другую проблему. Анатолий пожаловался, что вечерами не может уезжать из дома по своему желанию. Он вынужден дожидаться прихода жены, чтобы оставить с ней сына. Маша советовала плюнуть и на жену, и на сына.

– Вот тварь! – лениво сказал Олег, прослушав это место. Прослушивание записи происходило на той же явочной квартире. Он не пожелал отдать ей запись и после прослушивания ее стер. Объяснялось это тем, что Лена все равно не смогла бы использовать эту запись и показания сыщика в суде. Ведь лицензии у него не было.

Лена слушала запись с горящим лицом. Она не стеснялась сыщика, она даже забыла о нем. Хуже было другое. Анатолий не оборвал наглую девку, когда та упомянула о жене и сыне. Он только шумно вздохнул и заговорил о чем-то постороннем.

– Послушай, – сказал Олег, когда запись была уничтожена. – Почему бы вам не развестись? Ты молодая, красивая. У вас ребенок. Он тебе будет платить алименты. Квартиру отсудишь – у меня есть знакомый адвокат, классный мужик. Плюнь ты на него!

Она не ответила.

– Знаешь, сколько баб ко мне приходят, чтобы я выследил их мужей? – Олег почему-то разгорячился. – Если устроить конкурс красоты – ты их забиваешь всех! Даже тех, которые помоложе. Ты чего боишься? Бедности? Одиночества?

– Ради бога, хватит! – Лена вскочила. – Если бы я хотела развестись – на хрена мне с тобой связываться?! Я бы сделала это бесплатно!

– Тогда зачем весь этот мазохизм? – Олег тоже встал. Он испугался, что вспылчивая клиентка уйдет навсегда. – Зачем тебе знать, о чем они говорят, где встречаются, какие у нее духи?! Ведь ты не собираешься вести бракоразводный процесс?! И вообще, зачем тебе пистолет?!

– Ладно... – У нее дрожали руки, и она с трудом уложила в сумочку фотографии Маши. – Расстанемся. Сколько я тебе должна? По-моему, ничего.

Но она не выдержала характер. Уже через два дня послала ему на пейджер сообщение: «Немедленно позвони, есть новости». И он позвонил.

– Та девка опасна? – с места в карьер спросила она Олега.

У того брови полезли вверх:

– Ничуть... В каком смысле?

– В обычном. Я желаю с ней поговорить. Лично.

– Что же... – Он, похоже, был ошеломлен. – Только я тут при чем?

И она все ему объяснила. Сценарий был прост. Они вместе приедут на квартиру к Маше, когда там будет Анатолий. Накроют парочку. Олег должен удерживать Анатолия от участия в разговоре.

– Как? – скривился детектив. – Рот ему закрыть? В этом я не буду участвовать.

– Ничего подобного, – возразила она. – Ты отведешь его на кухню, к примеру, и скажешь, что тебе все про нас известно. Про него и про меня. Он будет молчать. Ты дождешься, когда я закончу разговор с девкой, и мы вместе уйдем. И Анатолий должен уйти с нами. И больше туда не возвращаться.

Олег призадумался. Наконец он спросил:

– А что это мне известно? Могу я узнать?

Она покачала головой.

– Понятно, – протянул сыщик. – Меня это не устраивает.

Но как всегда, его быстро устроило новое предложение. Для этого потребовалось солидное денежное вливание, и он согласился. Было решено, что он позвонит Лене, как только

любовники встретятся. Она должна была сидеть дома и ждать его звонка. Время от времени связываться с ним с помощью пейджера...

...Вспомнив все это, Лена чуть не застонала. Пейджер! Как он мог, как он смел выбросить пейджер! Как он смел дать номер пейджера Анатолию! И чего ради?! Зачем?! «Не связывайся с этой бабой» – вот чего требовал от сыщика ее муж. И конечно, имел в виду ее, Лену. «Он брал деньги с нас обоих... – поняла она. – Продажная тварь... Надо было развязаться с ним куда раньше. Хорошо, что не дошло до главного, а то бы он меня погубил».

За окном медленно начинало светать. Она тихонько прошла в детскую, убедилась, что мальчик спит. Ей некого было позвать на помощь. Не с кем оставить ребенка. Нянька пошлет ее, если Лена позвонит в такой ранний час. А мать... О матери нечего и думать. Она сжимала в кулаке ключи от машины. Сердце колотилось в горле. «Я поеду туда сама, – подумала она. – Я сама все ей скажу! А потом убью эту сволочь, я убью ее! Куда она лезет?! Он и я – нас бог соединил!»

Она двигалась, как автомат. Вторые сутки без сна – Лена жила наготове, ждала, что в любую минуту придется ехать к той девице. Женщина вышла в коридор, взяла сумку, заперла за собой дверь, спустилась во двор. Подошла к своей машине, отперла дверцу... И, только сев за руль, обратила внимание, что за левый «дворник» заткнут клочок цветастой бумаги. В этом полусонном состоянии ее ничто уже не удивляло. Она вышла, вытащила бумажку, развернула ее. Это оказалась новогодняя поздравительная открытка. На лицевой стороне был изображен Дед Мороз с елкой на плече и мешком подарков. А на другой стороне, где обычно пишутся поздравления, она прочла: «Приезжай, есть новости. Олег». Она впервые видела его почерк – грязный, корявый и торопливый.

У нее дрожали руки. Она с трудом удерживала руль, когда выезжала со двора. Лена ехала на ту квартиру, где они всегда встречались. Время было странное – пятый час утра. Но если он оставил записку, значит, ждет ее там.

А в пять часов ровно женщина сидела на прожженном старом ковре, неловко поджав ноги, и даже не пыталась встать. Из мебели в комнате были только стол, два стула и большой диван. В сторону дивана она старалась не смотреть. Женщина боролась с тошнотой и мутной одурью, заволакивающей мозг.

Она приехала сюда без нескольких минут пять. Позвонила, ей не открыли. Подождав минуту, она попыталась открыть дверь сама и обнаружила, что замки не заперты. Вошла и увидела в комнате свет. Спросила: «Какие новости?» Сделала несколько шагов. Увидела на диване Олега. Он лежал на животе, свесив на пол испачканную кровью руку. Светлые волосы тоже были в крови. Лене исполнилось уже тридцать лет, а покойника она увидела впервые в жизни.

ГЛАВА 2

Ей было тридцать лет. Последние восемь лет она прожила в страхе. До этого были долгие годы мучений, тайных желаний и любви. «Конечно, любви! – Она подняла голову. – Разве я ошиблась?! Не могла я ошибаться!» Почти половина ее жизни была построена на одном-единственном человеке, и вот теперь он уходил. Ему надоело прятаться от старых знакомых. Делать вид, что не узнает школьного друга. Ему хотелось снова завязать отношения с матерью... С их общей матерью.

О своем отце Лена знала одно – его звали Сергеем. Фамилию – Алексеева – она получила от матери. Мать родила ее «для себя» – в какой-то момент она вдруг решила, что замуж не выйдет никогда. Родственники матери называли маленькую Ленку «продукт психоза». Ведь Женя была еще молода, вполне обеспеченна, только что защитила кандидатскую диссертацию по философии... Они как в воду глядели. Ленке не исполнилось и года, когда ее мать встретила подходящего человека. Тот взглянул на «продукт психоза» сквозь пальцы, а когда Женя забеременела, без единого возражения на ней женился.

Бабки во дворе спрашивали шестилетнюю Лену, почему это она на братца не похожа. Девочка что-то мямлила, смущалась, убегала. Мужа матери называла не «папа», а «дядя Юра». Мать ей объяснила, что «папа» он только для маленького Толечки. Только многие годы спустя Лена, наконец, разобралась в этих сложных семейных отношениях. До этого ей было все равно. Дядя Юра так дядя Юра.

– Так ты что – мне не брат?! – спросила она у десятилетнего Толи. Ей уже исполнилось двенадцать.

Толя озадачился. Пошли за советом к маме, и та объяснила, что, конечно же, они брат и сестра. Но не родные, не двоюродные, а сводные.

– Так что жениться вам нельзя! – ни с того ни с сего гоготнул дядя Юра, смотревший по телевизору футбол.

Это фразу она запомнила очень хорошо. И почему-то встревожилась. Хотя, казалось бы, зачем ей волноваться по этому поводу? Позже, став постарше, она читала какой-то русский роман девятнадцатого века и с удивлением обнаружила, что герой был женат на своей двоюродной сестре, и никому это не казалось странным. Снова отправилась за объяснениями к матери. Та прочла небольшую лекцию о том, как дело обстояло до революции и как теперь. Раньше, как выяснилось, родственные браки были очень популярны. Молодые с детства знают друг друга. Приданое невесты останется в семье, не достанется чужим людям. Девушке не придется терпеть полужнакомых людей – свекровь и свекра. Ведь они – ее родные дядя и тетя!

– Но теперь такого безобразия нет, – завершила лекцию мать. – Это запрещено. А уж сводные брат и сестра вообще никогда не могли пожениться! Даже до революции!

– А почему? – Лена слушала так внимательно, что у нее даже в горле пересохло от волнения.

– Потому что у них могут родиться дети-уроды! – веско сказала мать. – Гены-то общие. И вообще... Это же дикость!

Ночью Лене приснились дети-уроды. Это был кошмарный сон. Синюшные, тощие младенцы с безобразно-большими головами тянулись к ней, хватали за платье, впивались в ноги беззубыми ртами. Она проснулась со стоном, в холодной испарине. Испуганный Толя стоял рядом с ее постелью. Они все еще спали в одной комнате – квартира у родителей была двухкомнатная.

– Ты что?! – шепотом спросил он. – Ты так плакала...

Лена в страхе отвернулась. Толя постоял еще и, ничего не поняв, вернулся к себе в постель. Лена тут же пожалела, что не ответила ему. Ей все еще было страшно – до крика, до истерики. Она оперлась на локоть и позвала:

– Толь... Толя... Иди сюда.

Он с ворчанием вернулся. Длинный, худющий – ему недавно исполнилось четырнадцать и он стремительно тянулся вверх. Густые волосы – как смола, черные, блестящие. Глаза, скорее, маленькие, но быстрые, живые. Усмешечка – то ли наглая, то ли застенчивая. Хриплый голос. Развинченная походка родительского любимчика. Он уже начинал сбрасывать пушок на щеках отцовской бритвой. А вот прыщи у него так и не появились. Девчонки из его класса с ума по нему сходили. Она считали, что Толя – вылитый красавчик брюнет из французской группы «Спейс». Конечно, Лена не видела его в темноте. Но все равно, она знала это лицо наизусть.

– Тебя не поймешь, – сказал Толя.

– Слушай, – у нее почти пропал голос. – Ложись рядом, а?

– Ты рехнулась?

– Мне страшно... Тебе бы такое приснилось, – жалобно настаивала она. – Ты чего боишься? Я же твоя сестра!

Она его убедила. В детстве они часто спали вместе – заигрывались и засыпали в одной постели. Потом приходила мама и разгоняла их по местам. Но потом дети перестали это делать, они уже просто плохо помещались в одной постели. И вот теперь, спустя несколько лет, Толя снова лег рядом. Он лежал поверх одеяла, и Лена чувствовала прикосновение его холодного голого плеча. Слышала его запах – запах кожи, волос, слабый табачный аромат – недавно он тайком начал курить. У нее в ушах зашумело, и она вздрогнула.

– Холодно? – каким-то странным голосом спросил Толя.

– Да.

– И мне, – быстро сказал он. – Я под одеяло. Ладно?

Она уже не могла ничего сказать. Он укрылся ее одеялом, и она почувствовала, какие у него ледяные ноги. Их головы – рыжая и черная – лежали на одной подушке, волосы смешивались. От волнения ее тошнило. Тошнило и от слова «брат». Она ненавидела это слово! Нельзя даже подумать о таком... Почему нельзя?! В последнее время она так много думала об этом, что боялась сойти с ума. На переменах выбегала в коридор и искала Толю. Они учились в одной школе, в одной смене, но конечно, в разных классах. Она – в десятом, а он – в восьмом. Лена видела, как он стоит с парнями у стенки и нагло провожает глазами расхаживающих по коридору девчонок. Она робко приближалась, проходила мимо. Он ей улыбался, она скользила по нему небрежным взглядом, махала рукой. Свернув за угол, Лена была готова прокусить рукав своей школьной формы, вцепиться зубами в руку. Брат! Младший сводный брат! Любая прыщавая девчонка может строить ему глазки – любая! Только не она! Лена уже не помнила, когда началось это безумие. Теперь ей казалось, что давно. Что оно было всегда.

Он лежал рядом, и от него пахло мужчиной. Толя молчал. Видимо, он все же был очень смущен.

– Слушай, – шепнула она.

– Ну?

– Ты целовался уже с кем-нибудь?

Он самодовольно хмыкнул. У нее замерло сердце:

– Целовался?

– Ты отцу не говори, – прошептал он. – Да. Вообще-то уже с тремя.

Ее будто ударили в грудь. Она повернулась к нему:

– С кем?!

– Да тише ты, – испуганно оглянулся он на дверь. Дверь была прикрыта. – Ты их, может, и не знаешь. Две из нашей школы, одна – из летнего лагеря. Этим летом...

– А еще что ты делал? – шептала она, изо всех сил сдерживая слезы. – Расскажи все. Ну, все. Я никому не скажу.

– Да что ты пристала? – с досадой спросил он. – Я же тебя не спрашиваю, целовалась ты или нет.

– Нет!

Он молчал, осмысливая ее слова. Она все-таки была старшей сестрой. Красивой, фигуристой, улыбчивой девчонкой. Красилась, ходила на дискотеки. Ездила в летние лагеря. Ему казалось, что у нее этот опыт должен быть позади.

– А почему нет? – спросил он наконец. – Знаешь, у нас все девчонки в классе уже... Конечно, кроме уродин.

– Мне никто не нравится, – резко сказала она. – И я просто не умею.

– Да? – оживился он. – Это просто! Ладно, я тебе скажу. Эти первые два раза – так, чепуха. После дискотеки провожал девок, и все. А вот летом, в лагере, была одна вожатая. Ей уже двадцать, представляешь? Вот с ней было по-настоящему.

– Значит, она тебя научила? – с трудом выдавила Лена. Она никогда не думала, что ревность – это так страшно. Боль была физическая. Сердце будто кипятком шпарили, голова горела, закладывало уши.

Толя хмыкнул в темноте. На самом деле, эта вожатая вспоминалась ему не в таком уж розовом свете. Целоваться она его действительно обучила. Учила правильно дышать, водить языком, обниматься, расстегивала на себе блузку, сдвигала бретельки лифчика, клала его руку себе на грудь. Но когда она полезла ему в джинсы, он осрамился, хотя женщина возбуждала его долго и умело. Каждую минуту он ждал стука в дверь – ведь даже во время сончасы то и дело что-то кому-то нужно от вожатой отряда. Кроме того, дело было в пятницу – а значит, с последнего банного дня прошла почти неделя. От вожатой невыносимо пахло потом – чисто-плотностью она не отличалась. Но конечно, он не мог рассказать об этом сестре.

– А ты? – Лена наконец решилась.

– Что я?

– Ты меня научишь?

Некоторое время они молчали. Потом Толя сел в постели и уставился на светлеющее пятно окна. Близился рассвет.

– Рассердился? – спросила она. – А мне что делать? Говорю же – я не умею.

– Ладно, – прошептал он. Взглянул на дверь. Запора на двери не было – и в этот миг он впервые пожалел об этом.

Губы сестры оказались мягкие, шелковистые, чуть соленые. Волосы пахли сладко и знакомо – они мыли головы одним и тем же шампунем. Страх быстро прошел. Лена тоже перестала бояться. Тут не оказалось ничего страшного. Она только старалась отодвинуть подальше неприятное слово «брат». Это слово все портило, превращало в детскую игру.

В комнате стало совсем светло. На улице оглушительно каркали вороны. Резко зазвонил будильник у родителей. Подростки вздрогнули. Они лежали, обнявшись и переводя дыхание. Губы у Лены распухли – она целовалась жадно и неумело.

– Иди к себе, – шепнула она.

Толя бесшумно выбрался из-под одеяла и на цыпочках прокрался в свою постель. Вскоре по коридору прошаркали тапки матери. На кухне зашумела вода, с шумом зажглась газовая колонка, загремел чайник, опускаемый на плиту. Начиналось самое обычное утро.

С тех пор днем они старались поменьше быть вместе. Даже взглядами не встречались. Порознь приходили из школы. В разное время готовили уроки. Мать даже заметила, что между детьми будто черная кошка пробежала. Она пыталась выяснить причину, но ничего не доби-лась, и решила, что дети просто растут. Зато ночью, заслышав за стенкой родительский храп, Толя перебирался в постель к сестре. Они лежали обнявшись, умело и жадно целовались, стя-

гивали с себя пижамы, с упоением гладили и изучали друг друга. Не было ни страха, ни смущения – ведь они родные, свои. Лене удалось убедить брата, что в этом нет ничего постыдного. А он был в восторге. Восхитительная ночная игрушка – живая, теплая, безотказная – всегда была рядом. Она была своя. Она была – сестра. Но последней грани они еще не переступали. Это не удалось бы превратить в игру. Пришлось бы действовать всерьез.

Закончив школу – обычную и художественную, Толя поступил в училище декоративно-прикладного искусства. Он мечтал делать мозаики и витражи. Лена больше интересовалась техникой, компьютерами. В их маленькой комнатке уже не хватало места, здесь стояло два рабочих стола. И папа Юра принял историческое решение. Он копил деньги, чтобы обменять квартиру на большую, с доплатой. Вез из Польши шмотки и парфюмерию, торговал в Столешниковом переулке, позже в Лужниках. И как-то после очередной удачной поездки он позвонил сыну:

– Держи ключи. Я снял в соседнем доме однокомнатную, совсем дешево, по знакомству. Будешь там жить.

Мать пришла в ужас:

– Он будет водить туда девиц из своего училища! Я их видела – сплошная богема!

Но папа Юра был тверд:

– Пора и девицам появляться. Ничего страшного! Ты бы лучше подумала, как дети в одной комнате спят!

Лена слышала этот разговор, и ее передернуло. Неужели они узнали?! Но оказалось, что папа Юра имел в виду только тесноту. А девиц из училища Лена не боялась. Она знала, что все последние три года брат принадлежит ей одной. Ей даже казалось, что он побаивается глядеть на других девушек.

Как-то само собой вышло, что брат с сестрой стали жить на новой квартире вместе. По крайней мере, днем. Лена находилась там под тем предлогом, что она готовит, стирает и убирается. Спать она возвращалась в родительскую квартиру. Мать была довольна – отношения у детей снова наладились. Толе исполнилось шестнадцать. Он должен был получать паспорт. Отец прописал его в квартиру бабушки – чтобы в будущем не потерять ту жилплощадь. У брата и сестры в паспортах значились разные места прописки. Документы были выданы в разных районах Москвы. У них были разные фамилии и разные отчества. Они были совершенно друг на друга не похожи. Об их родстве мог узнать только тот, кто взглянул бы на свидетельства о рождении и прочел имя их матери.

Они везде появлялись вместе. У Лены друзей не было, зато у Толи они водились в избытке. В компаниях он всегда представлял ее: «Лена». И не добавлял к этому – «моя сестра». Толя смело обнимал ее при всех, танцевал с ней, следил, чтобы девушка не напилась – у Лены была к этому некоторая склонность. Ни одной девушке и в голову не приходило кокетничать с ним – ведь сразу были видно, как этот парень влюблен в свою рыжую спутницу.

На этой съемной квартире они сломали последний барьер, разделявший их. Никто не храпел за стеной. Дверь была закрыта на два замка. Когда все было кончено, Лена встала и молча отправилась в ванную. Там она застирала испачканное кровью постельное белье. Накинула халат, развесила простыни на балконе. Она действовала хладнокровно, как опытная женщина. Толя следил за ней с каким-то пришибленным видом.

– Слушай, у нас крыша поехала, – сказал он наконец. – Кажется, за это судят...

Но как всегда, сестра переубедила его. Никто за это не судит. Никто и не узнает! Главное – забыть о том, что они родственники. Ведь всем все равно.

– Мы даже пожениться можем, – высказала она свою давнюю мысль.

Толя даже отшатнулся. Видно было, что об этом он даже и не думал. Но Лена сунула ему под нос паспорта. Убеждала, сравнивала, объясняла, даже слегка припугнула:

– Ладно, можем в ЗАГС не ходить, если боишься. Но в таком случае ты туда ни с кем не пойдешь!

Он виновато улыбался. И кажется, воспринимал все, как нелепую шутку. Однако, спустя два года, она добилась своего.

К тому времени Лена закончила институт и устроилась на работу в фирму, продававшую оргтехнику и компьютеры. Умерла бабушка, завещавшая внуку квартиру. Едва вступив в право наследства, Толя стал искать обменный вариант. Разумеется, с подачи Лены. Он многое делал только с ее слов. Родители были в некотором недоумении. Они видели, что дети все больше отдаляются от них, живут какой-то своей жизнью. Но они все еще не понимали, в чем тут дело.

Квартирный вопрос был благополучно разрешен. Бабушкина однокомнатная хрущевка превратилась в двухкомнатную квартиру улучшенного типа. Конечно, тут постарался папа Юра. И он был ошеломлен, когда сын отказался выдать ему запасной комплект ключей от квартиры.

– Мы будем тут жить с Леной, – сказал сын. – К нам ходят гости. Вам ключи ни к чему.

Однако гости к молодым ходили редко. Именно в это время у Лены стали случаться какие-то нервные срывы. Она боялась общаться со старыми знакомыми. Боялась заводить новых. С родителями говорила не больше двух слов, да и то по телефону. Она чувствовала себя плохо, как никогда в жизни. Толя насильно потащил ее к врачу. Потом она сама зачастила в поликлинику. И однажды пришла домой с тортом и каким-то загадочным видом.

– Нас можно поздравить, – довольно сдержанно сказала она.

– С чем это? – Толя поднял глаза. Он в это время ползал по полу, оттирая резинкой пятна на эскизе витража.

– Я беременна. У меня будет ребенок, Толечка. От тебя.

Карандаш выпал у парня изо рта. Он сел, бессмысленно уставился в пол. Потянулся за сигаретой. Тихо спросил:

– Но его же не будет, нет?

– Он будет, – пообещала Лена. – И даже довольно скоро. Месяцев через пять.

– А если... – Он чуть не задохнулся. – Если урод?! Но Дима родился совершенно нормальным мальчиком, доношенным, полноценным. В ЗАГС Лена пошла уже с заметным животиком. Молодые стояли перед регистраторшей и очень заметно волновались. Парень просто паниковал – лицо у него было мертвенно-серое. У девушки на шее горели алые пятна – то ли от волнения, то ли от токсикоза. И вместе с тем в этой паре не было ничего странного. Разве то, что невеста старше на два года... Но в конце концов, такая разница в возрасте значения не имела.

– Узнают! – твердил Толя, выйдя на улицу и закулив. – Все узнают!

– Никогда не узнают, никогда, – шептала Лена, взяв его под руку. – Главное, наши свидетельства о рождении. Вот только они не в порядке. Никому их не показывай.

Толя закончил училище, и его забрали в армию. Он пошел туда охотно, тем более что часть располагалась под Москвой – снова постарался папа Юра. Лена с ревностью отметила этот патриотизм – значит, он готов на что угодно, чтобы избавиться от нее. Она писала ему письма, слала фотографии ребенка. Несколько раз приезжала к мужу в гости.

К тому времени их мать уже все узнала. Она несколько раз приходила на квартиру с папой Юрой. Папа Юра хотел выбить дверь. Мать плакала и кричала в щелку, что немедленно их разведет! Лена с сыном сидела в дальней комнате и не открывала. Только раз она впустила мать, когда та пришла одна. Разговор получился короткий.

– Сука... – У матери даже голос пропал. – Кто это придумал?! Ты?! Господи, как... В голову тебе это как пришло?!

– А теперь слушай меня, – перебила ее Лена. Она держала на руках младенца, от которого мать с ужасом отводила глаза. – Никуда ты не пойдешь и жаловаться не будешь. И разводить

нас – тоже. Я тогда пойду в милицию и скажу, что Толя меня насиловал с четырнадцати лет. А твой муж – с девяти. Я убью и себя и ребенка! И тебя убью, если еще раз сюда явишься. Забудь о нас! Уходи! И молчи!

С тех пор она с матерью не виделась. И с отчимом, конечно, тоже. Пока Толя не вернулся из армии, девушка вела полуголодное существование. Сидела в декрете, не могла нанять няньку, лишней раз выйти на улицу – ребенок отнимал все время, силы и деньги. Она скрывала сына от чужих глаз, и сама не знала, чего боится. Возможно, она сама побаивалась сына. Помощи Лена ниоткуда не ждала. Ждала только мужа.

Он вернулся к ней. Именно к ней – не заходя к родителям. Они писали ему в часть письма, но он не отвечал – так велела Лена. Все отношения были порваны. И Лена с упоением рвала любые связи, оставшиеся с прежних времен.

– Нас трое, – говорила она. – Об остальных надо забыть. Пусть будут новые друзья, новая работа, все новое.

Что думал на этот счет муж, она так никогда и не узнала. Он молчал. Они обходили молчанием все, что касалось их семьи, их детства. Все воспоминания у них были общие – начиная с самых ранних, младенческих. Но они делали вид, будто познакомились недавно. Эти двое так привыкли лгать другим, что научились лгать и себе. Так было гораздо легче жить.

Только несколько раз Лена затронула больной вопрос. Это случилось, когда сын за одну зиму перенес два воспаления легких. Мальчик выжил, но очень ослаб.

– По-моему, он не совсем... – бормотал Толя, вглядываясь в спящего ребенка.

– Ненормален, ты хочешь сказать? – еле слышно отозвалась Лена.

Они помолчали. Наконец она сказала:

– Он нормален, совершенно. Просто много болеет, больше чем мы с тобой. Главное, чтобы он никогда не узнал. Знаешь, давай уничтожим наши свидетельства о рождении.

Она и раньше говорила об этом, но Толя всякий раз протестовал:

– Рехнулась?! Если понадобится, нас все равно пошлют восстанавливать документы в ЗАГС! А когда будут восстанавливать – все может открыться!

В конце концов они нашли компромисс. Толя, как художник, взял на себя переделку своего свидетельства о рождении. Документы Лены решили не трогать. А в своем свидетельстве он изменил имя матери. Подобрал чернила того же оттенка, перо нужной ширины, приготовил острые ножички, с помощью которых он зачищал чертежи. И Алексеева Евгения Ивановна превратилась у него в Аракчеву Евдокию Игоревну.

– Что ж ты такую фамилию нарисовал?! – возмущалась Лена. – Аракчеева! Еще бы Пушкину написал!

– Нормальная русская фамилия, – пожимал плечами уязвленный художник. – А ты попробуй, подбери ей фамилию по числу букв, и чтобы чистить много не пришлось!

Он слушался ее, он принадлежал ей. И все равно, страх не исчезал. Толя стал бывать за границей. Зарабатывал хорошие деньги, выполняя частные заказы. Потом основал маленькое предприятие по производству цветного стекла и витражей. Лена работала у него бухгалтером. К тому времени она забросила мечты о личной карьере. Сын требовал слишком много внимания – в детский сад с таким здоровьем не отдашь, а бабушки как бы и нет. Няньки тоже ее не устраивали, Лена слишком часто их меняла. И кроме того, чужой человек в доме... Нянька может что-то услышать, найти какие-то документы, сообразить, догадаться... И наконец, просто затащить Толю в постель.

Маша появилась совсем недавно – около месяца назад. Она вошла в их жизнь неожиданно и страшно – так сталкиваются ночью корабли. В пробоину хлынула вода, судно накренилось, свет погас... Момент удара Лена запомнила очень хорошо.

Муж вернулся домой под утро. Он не позвонил, не предупредил, что задержится. Лена позвонила его сотрудникам и выяснила, что после работы он поехал сразу домой. Милиции она боялась. В довершение всего, ребенок опять простудился и плохо спал.

– Ты сошел с ума, – шепотом закричала она на мужа, когда тот переступил порог. – Где был?!

– Как ты мне надоела, – сказал он с большим чувством. – Дай пройти.

Она онемела, прижалась к стене. Увидела, как он исчезает в ванной. Щелкнула задвижка, зашумел душ. Из ванной комнаты он вышел свежим и бодрым. Глаза у него блеснули. Он был как-то странно воодушевлен – будто наглотался «колес». Сказал, что уходит. Что это вопрос нескольких дней. Что будет платить алименты сыну. Что ему надоела ненормальная жизнь, которую они ведут. Завершил он монолог так:

– Из-за тебя я восемь лет не видел родителей! Думаешь, ты этого стоишь?!

Она молчала. Только следила за его нервными передвижениями по квартире. Толя был так радостно возбужден, воодушевлен, что она поняла – муж влюбился. Таким она его никогда не видела.

– Ты собираешься развестись со мной? – выдавила она наконец.

– А ты как думаешь? Мне надоела эта ущербная жизнь! Почему я должен прятаться, что-то скрывать?! Из-за тебя я чувствую себя преступником! Ты втравила меня в эту глупость!

– Если ты будешь разводиться, – заплакала Лена, – я все расскажу твоей девке...

– Ты о чем? – Он впервые остановился.

– Обо всем! Думаешь, она обрадуется, когда узнает, что ты сделал ребенка родной сестре?!

– Если ты это скажешь, я тебя убью! – заорал он.

И вдруг осекся – в соседней комнате заплакал разбуженный криками мальчик.

Он наотрез отказался дать жене хоть какие-то координаты своей любовницы. Лена требовала:

– Я должна с ней поговорить! Тебе надоело врать?! А ей ты будешь врать еще больше! Почему ты до сих пор не признался, на ком женат?!

Толя посылал ее к черту и уходил из дома. После того как Олег раздобыл телефон Маши, Лена сразу стала туда звонить. Маша в разговоры не вступала. Отпускала пару матерных слов и вешала трубку, отключала телефон. Лена никак не могла переломить себя и сказать всю правду. Она верила, что эта новость разочарует девушку. По крайней мере, та еще подумает, связываться ли с Толей.

– Откуда у тебя телефон? – допытывался муж в тех редких случаях, когда возвращался домой. – Ты что – следишь за нами? Наняла кого-то? Тварь! Ты добьешься того, что не получишь даже алиментов! Подыхайте с голодухи! И с работы я тебя выгоню! Там я хозяин, стерва!

От прежнего послушного мальчика, от страстного влюбленного парня не осталось ничего. Невероятная любовь сменилась ненавистью. Лена чувствовала себя, как марионетка с обрезанными нитками. У нее не поднималась рука взять телефонную трубку, накрасить губы, приготовить обед. С трудом выходила из дома, с трудом вела машину, через силу ела. Муж ее ненавидел – в этом не было никаких сомнений. Но оставался последний шанс – все рассказать. Вероятно, это поможет. Может быть...

...Женщина наконец поднялась с пола. Подошла к дивану, заставила себя взглянуть труп в лицо. «Его застрелили, – поняла она. – Какая дыра в голове!» И тут ее прошиб холодный пот. Она вспомнила о пистолете в своей сумке. О своей слишком приметной машине, припаркованной у подъезда. О том, что на улице уже появляется народ. «Открытка! Кто прислал мне открытку?! – она затравленно порылась в сумке. Там послания не было. – Куда же я ее сунула?!»

Женщина пулей вылетела из квартиры. Выбегая из подъезда, столкнулась с мужчиной, который вел на прогулку пуделя. Села в машину, чувствуя на себе взгляд собачника. Обшарила салон. Открытки не было. «Может быть, я выронила ее в своем дворе? – Лена попыталась взять себя в руки. – Но при чем тут Дед Мороз?» Дома остался ребенок. Только эта мысль помешала ей врезаться в первый встречный столб.

Кое-что изменилось. Она не сразу поняла, что именно, но перемену почувствовала сразу. В детской комнате было по-прежнему тихо. Свет нигде не горел. С кухни слабо пахло кофе... Кофе! Толя сидел за длинным кухонным столом и ждал, когда остынет сваренная им горькая кофейная смесь. В хорошей чашке кофе, по его мнению, должна быть половина гуши.

– Доброе утро, – сказал он, увидев жену. – На улице хорошо, прохладно. Лучшее время для прогулок.

Она поставила сумку на стул, чтобы пистолет был подальше. Лена боялась, что вытащит оружие и застрелит этого человека. А потом уснет – уснет часов на тридцать.

– Откуда ты знал Олега? – спросила она.

– Кто это? – Толя пригубил кофе и оттопырил обожженные губы. Потом закурил. Он был совершенно спокоен.

– Ты прислал Олегу на пейджер сообщение, чтобы он меня опасался. – Дрожащим голосом сообщила она. – Ты даже подписался, Толя. Я видела это послание. Его передали при мне.

– С ума сошла! Никакого Олега я не знаю. Слежка тебе повредила.

Она присела за стол. Случайно коснулась ноги мужа носком туфли. Он резко отдернул ногу, будто его ужалила змея. Месяц назад это причинило бы ей боль. Сейчас женщина ничего не почувствовала. Она только слегка морщилась от табачного дыма, который разъедал ей глаза.

– Олег – это частный детектив, которого я наняла, чтобы за тобой следить, – тихо сообщила она. – Он добыл для меня все сведения о твоей Маше. Вчера вечером мы должны были встретиться. Я посылаю ему сообщения на пейджер, но он не отвечал. Оказалось, что пейджера у него уже нет – его взял какой-то парень. Я нашла этого парня, и на моих глазах ты прислал Олегу сообщение... Вы должны были встретиться сегодня утром. Во сколько?

– Нет, ты рехнулась, – изумленно повторил Толя. – Частный сыщик – это бред! Может, ты его и наняла. Но я его не знаю.

– Кто его убил этим утром, ты тоже не знаешь?

Он резко отодвинул чашку, кофе выплеснулся на столешницу:

– Сумасшедшая гадина! С каждым днем ты все ненормальнее! Да ты всегда была такой! Чем ты хочешь меня запугать?! Правильно говорит Маша – ты двинулась еще в детстве!

Лена подняла глаза:

– Маша? При чем тут твоя Маша? Откуда ей меня знать...

– Она знает все! – выкрикнул Толя. – И больше ты не можешь меня шантажировать! Идиотка!

– Ты ей сказал?!

Толя наклонился над женой, злорадно выпалил ей в лицо:

– Я сказал ей все, ты поняла?! И она ответила, что ей наплевать, на ком я был женат! Хоть на царевне-лягушке! И еще она сказала, – слушай, слушай! – что от этого я нравлюсь ей еще больше! Что она всегда чувствовала во мне тайну! А теперь – получай!

Он ударил ее прежде, чем она успела отшатнуться. А потом была тишина, наполненная запахом кофе. По кухне плыл сигаретный дым. В соседней комнате закашлялся ребенок. Лена сидела, закрыв лицо руками. На губах был соленый вкус крови.

– Сегодня я переезжаю к Маше, – сказал Толя. – И сегодня же вечером везу ее знакомиться с родителями. На коленях буду стоять! Поняла?! А ты делай что хочешь. Я подаю на развод. Хочешь, чтобы Димка все про нас узнал – не давай на это согласия. Маша поняла,

потому что она взрослый умный человек. А Димка – пацан. Его дразнить будут. Выбирай, мамашка!

И он грубо, совсем как в раннем детстве, послал ее матом. Потом Лена готовила завтрак для ребенка. Толя собирал вещи. Они больше не разговаривали. И только, когда он в последний раз поднялся в квартиру за сумками, Лена спросила:

– А ты мне не соврал? Ты все ей сказал, все?

Он захлопнул за собой дверь, и в доме стало совсем тихо. Так тихо, как бывает под водой, когда затонувший корабль уже лег на дно.

Когда пришла Надя, от ее глаз ничто не укрылось.

– Хозяин уехал? – с гадкой улыбкой спросила девушка. – Он еще вчера вещи собирал.

Лена с трудом удержалась, чтобы не прогнать наглую девицу. Но этого было делать нельзя – никто другой к Димке не придет.

– Я уеду до десяти часов, – сказала она. – И чтобы ребенок один не оставался. Утром он сильно кашлял, гулять не ходите.

– Так жарко на улице! – возразила нянька. Но, увидев глаза хозяйки, замолчала.

Лена задержалась во дворе недолго. Сперва она осмотрела асфальт, газон, салон машины. Открытки с Дедом Морозом нигде не было. «Может, я выбросила ее в расстроенных чувствах, – подумала женщина. – Это просто невероятно. Открытку оставили ночью. Я вернулась домой где-то в три. Уехала через полтора часа. Что получается? Олег оставил открытку, приехал на квартиру, и его сразу убили? Почему он не поднялся ко мне? У меня горел свет...» Вопросов появилось много. Ей удалось поспать несколько часов, и голова прояснилась. Она еще раз проверила сумку. Пистолет был на месте. Теперь она боялась к нему прикасаться. Он был заряжен и поставлен на предохранитель – все это сделал Олег. «Может, выбросить? – подумала она. – Пока не поздно, от греха подальше. Он все равно ушел. Он не вернется. Поехал знакомить ее с родителями... А они все расскажут. Обязательно!»

Но у нее оставалась слабая тень надежды. Быть может, он соврал. Столько лет скрывать истину, стыдиться ее, лгать... И рассказать двадцатилетней девчонке, которая раззвонит новость по всей Москве?! Это может попасть в газеты, типа «СПИД-Инфо» или «Мегаполиса» – пусть только услышит об этом журналист. И это сделает Толя? Который всегда боялся огласки, как смерти? Она решила ехать к родителям. Если он соврал, тогда она-то скажет правду. И эту правду не мешает послушать всем.

У нее что-то дрогнуло внутри, когда она пересекла знакомый двор. Целая вечность прошла с тех пор, как Лена уехала отсюда. В соседнем доме брат сделал ее женщиной. А в этом – впервые поцеловал ее. Все у них было впервые. Он был у нее первый, он был у нее один. При этой мысли Лена повыше подняла опущенный было подбородок. Такие связи просто не рвутся! Она вошла в лифт, нажала кнопку, поправила волосы. Позвонила в знакомую дверь. Через мгновение послышался голос мужа:

– Я говорил, что она придет!

Он распахнул дверь. Выбритый, наглаженный, благоухающий – он был совсем чужой.

– Нарядный, как жених, – сказала Лена. – Ты меня не впустишь? Ты с невестой?

– И не только! – это вступил папа Юра. Он растолстел за эти годы, приобрел одышку и потерял волосы. – Ты зачем это, теперь... Явилась? Заставила парня подделывать документы. За это срок дают! Дверь закрой! Да войди ты!

В коридоре стало тесно. На пороге кухни появилась мать – в белой кружевной кофточке, гладко причесанная. Она как будто совсем не изменилась. Правда, дочь видела ее против света. Они не сказали друг другу ни слова. Маша так и не вышла. Видимо, сидела в той комнате, где работал телевизор.

– Вам надо развестись как можно тише, – папа Юра говорил рассудительно, но в его голосе звучала радость. – Это же не проблема, Лена! Подумай, у тебя ребенок.

– У нас с ним ребенок, – подтвердила она. – Общий, кстати. Куда его деть прикажете? Убить?

– Об аборте надо было думать раньше, – высказался Толя. – А от алиментов я не отказываюсь. А вообще, чего ты хотела? Я полжизни тебя терпел. Теперь имею право пожить для себя.

Маша не показывалась. Только звук у телевизора сделался тише – она прислушивалась к тому, что делается в коридоре.

– Почему она не выйдет? – глухо спросила Лена. – Разве она меня боится? Зачем? Я не опасна. Она меня уже убила.

– Какие глупости, – Толя прижал руку к щеке, будто у него заболели зубы. – Вечные фантазии. Ведешь себя, как деревенская баба! Я сегодня был в суде, подал заявление. Тебе пришлют повестку на дом. Советую явиться. Или хотя бы ее подписать. Все кончено – ты можешь это понять?!

– Откуда ты знал Олега? – спросила Лена.

– Она спрашивает про того типа, который за нами следил! – крикнул Толя, обращаясь в дверям комнаты. – Помнишь его, Маша? Такой толстый!

– Я помню, – раздался оттуда ясный нежный голос. – Он еще так чавкал в ресторане. Его убили?

– Она говорит, что да!

Мать повернулась и прикрыла за собой кухонную дверь. Оттуда тянуло жареным мясом – готовился ужин в честь развода и помолвки. Папа Юра озабоченно заявил:

– Толя мне рассказал про этого сыщика. Ты что к нему пристала? Они даже не были знакомы. Ты же его нанимала, ты и разбирайся.

– Его кто-то убил сегодня под утро, – Лену уже ноги не держали, она прислонилась к стене. – А кто из этих двоих – откуда мне знать?

– Рехнулась, – твердо сказал Толя.

– А кто прислал ему сообщение на пейджер?

– Да не слал я ему ни черта! – взорвался муж. – Никто не слал! Может, он сам себе послал! Может, у тебя бред!

Повторялся утренний припадок – он больше не владел собой. Схватил Лену за локоть, оттащил от стены, отпер дверь и попытался вытолкнуть женщину на лестничную клетку. Папа Юра громко протестовал: «Нельзя же так все-таки!» Ясный голос Маши звал Толю по имени. Девушка ничуть не была взволнована или испугана происходящим.

– Уберешься ты?! – Толя дернул жену за рукав, та выпустила сумку... И тут же подхватила ее. Она пришла в себя. Сквозь тонкую кожу и обивку она ощущала в сумке пистолет. Надо было достать и выстрелить. Только достать...

– Лучше всего вызвать милицию, – сказала Маша. Она уже вышла в коридор. Лена видела там тонкую темную тень.

– Пусти! – Лена вырвалась, оттолкнула мужа. – Я уйду! Но ты, ты... Я докажу, что ты прислал Олегу сообщение! Ты назначал ему встречу, понял?! Ты встретился с ним, и ты его убил!

– Поезжай в дурдом! – донеслось ей вслед, когда она вошла в кабинку лифта. Но ей уже было все равно. Она знала, к кому ей теперь обращаться.

ГЛАВА 3

«Деньги передам завтра, в девятнадцать часов, у вас. Ждите меня до двадцати часов, не дольше. Если не приеду – перезвоню. Подпись: Виталий».

– Вот черт! – Андрей прочел послание несколько раз. – Что теперь делать-то?

Он только что проснулся после ночного дежурства. На часах было восемь часов вечера. На улице – жара и тополиный пух. Пейджер назойливо играл у него над ухом новогоднюю песенку, пока Андрей не проснулся. Он подумал немного и позвонил Рамилю. Тот тоже спал, и судя по всему – не в одиночестве. На втором плане слышался сонный женский голос.

– Рэм, я сваял дурака, – признался Андрей. – Как мне теперь найти ту женщину?

Рамиль мгновенно уяснил, о ком идет речь.

– Красотку на «Мазератти»? А что случилось?

– Да тут важное сообщение для ее дружка.

– А ты нанялся к ним связным? – Рамиля одолевала зевота. – Выброси ты этот пейджер. Или отключи. Дождись, когда она опять приедет и заберет эту дрянь. Могу дать еще кучу советов.

Рамиль действительно любил давать советы. В большинстве своем они сводились к формуле «наплюй и забудь». Самого Рамиля волновали всего две вещи – постоянная московская прописка и в идеале – собственная жилплощадь. Он упорно искал невесту-москвичку, а ему с адским везением попадались студентки-провинциалки и приезжие торговки-хохлушки. Впрочем, он их тоже не обходил вниманием.

– А что там написали ее дружку? – поинтересовался Рамиль. – Это опять она?

– С чего бы она послала сообщение на этот номер? – возразил Андрей. – Ведь пейджер теперь у меня, и Лена это знает. Какой-то Виталий прислал весточку ее приятелю, дело касается денег. Вроде бы Виталий хочет с ним расплатиться.

– А ты можешь получить эти бабки вместо него? – вдруг спросил Рамиль.

Андрей присвистнул, посоветовал другу поспать еще и повесил трубку. Он загнал сообщение в память и застелил постель. Отца дома не было. Наташа в этот час уже закончила работу. Андрей хотел ей позвонить, но потом передумал. «Ничего нового я не услышу, – сказал он себе. – Она будет долго думать – встретиться или не встретиться. Посоветуется с мамой. Скажет, что придет часа через полтора и будет сто лет одеваться. Если в самом деле придет – заносет, что на улице жарко, хочется в кафе. Сюда ее все равно не приведешь. К ней тоже нельзя. Дачу, блин, продали. Так какого черта я с ней мучаюсь?!»

Он решил перекусить и попробовать поспать еще немного. Но едва успел поставить на плиту чайник. Зазвонил телефон. Позже он вспоминал этот момент и думал – как бы все повернулось, не подними он трубку? Может быть, ничего бы и не случилось.

– Это Лена, – сказала женщина. Ее голос звучал глухо, на линии были помехи. Но Андрей ее все же узнал.

– Откуда у вас телефон? – глуповато спросил он.

– Мне на стоянке дали. Я только что там была. Вы сердитесь?

Но он не сердился, во всяком случае, на нее. Ребята со стоянки, конечно, проявили ненужную инициативу. Но бог знает, что она им наговорила?

– Вас зовут Андрей? – продолжала она. – Мне так сказали на стоянке.

– Ну да, – он все еще не мог собраться с мыслями. – Хотите забрать пейджер?

– Не помешало бы... Но у меня просьба к вам лично. Вы должны выступить свидетелем.

Андрей вздохнул. Он предполагал что-то в этом роде. Неверный любовник, отчаявшаяся дама – богатая, красивая, нервная... Бог знает что.

– Что у вас случилось? – обреченно спросил он.

– Помните, на пейджер поступило сообщение от Толи? Оно было подписано. Там назначалась встреча. Мне надо, чтобы вы подтвердили, что сообщение было. И вспомнили текст. Я буду очень вам благодарна.

– Где я должен это подтвердить? – поинтересовался парень.

Лена замолчала. А потом не слишком уверенно произнесла:

– Может быть, в суде. Я не уверена. Не знаю.

Андрей ждал продолжения. Но женщина замолчала.

Сегодня она говорила совсем по-другому. Уверенности как не бывало. Она, как будто, сомневалась в каждом своем слове.

– Можно мне приехать к вам на стоянку? – спросила она наконец.

Такой развязки он не ожидал. Пробормотал, что конечно, можно, что въезд на стоянку разрешен всем... Она положила трубку. Андрей не слишком верил, что она приедет к нему в гости. «Сумасбродная бабенка, семь пятниц на неделе, – думал он, особенно тщательно побрившись и надев чистую майку. – Интересно, что будет, если ее напоить? Наверное, начнет плакать. Нервы-то не в порядке».

А Лена действительно приехала на стоянку в легком подпитии. Но она не плакала. Хлопнула дверцей машины, сунула Рамилю деньги... Тот смотрел на нее во все глаза.

– Андрея позвать? – услужливо спросил он. – Он в домике.

Его услужливость пошла еще дальше. Он не пошел в домик. Остался внизу, отдавшись на съедение комарам и зависти.

– Возьмите, наконец, этот чертов пейджер! – вместо приветствия, обратился к женщине Андрей. – Три сообщения за вечер! Я за это зарплату не получаю!

Два последних сообщения он принял уже на работе. Олегу назначались встречи, причем разными людьми. Это были женщины, которым нужно было срочно поговорить. Обе подписались одними именами, без фамилий. Лена мельком просмотрела сообщения. Больше всего ее заинтересовало то, которое прислал некий Виталий.

– Он назначает встречу! – хохотнула Лена. – А Олег-то мертвый!

Только тут Андрей понял, что она выпила. От нее слабо пахло коньяком, не то виски. Лена постоянно смеялась, хотя глаза были грустные.

– Олег, это ваш... – начал было Андрей. Но она покачала головой:

– Ой, да вы думаете, мне его жалко?! Он был мерзкий тип. Вы же ничего не понимаете, ничего!

Он молча налил ей кофе. Она опустошила стаканчик и даже не заметила этого. Зато заговорила немного спокойней:

– Он был мне никто, этот Олег. Он работал для меня. Следил за моим мужем. А вы думали – Олег – мой муж, да? Смешно... – Она хихикнула и взяла сигарету. – Вы бы его видели... Особенно мертвого... Он был сыщик, частный сыщик. И большой враль. А как он тянул деньги!

– Заберите пейджер, – сказал Андрей. Все это давно перестало ему нравиться.

– Нет, прошу вас, – женщина больше не хихикала. Сигарета заметно подрагивала у нее в пальцах. – Оставьте пейджер себе. Я буду с вами связываться. Вы не возражаете? У меня же никого на свете нет. Вы не верите? Никого!

Она говорила и говорила, а он не столько слушал, сколько смотрел. Да, она была красивая, даже очень красивая, на его вкус. Чутьочку пьяная, чутьочку странная, очень одинокая – это точно. Лена рассказывала об ушедшем муже, о его наглой любовнице, о частном детективе, который теперь мертв... Наконец Андрей очнулся:

– Вы это не выдумали? Олег точно умер?

– Его застрелили, – кивнула женщина. – Я видела рану у него в голове. Огромная дырка.

Теперь он слушал внимательнее. Она рассказала ему про открытку с Дедом Морозом, про квартиру с трупом, про то, что муж отказался от своего знакомства с сыщиком...

– Открытку-то явно прислал не этот Олег, – перебил ее Андрей.

– Да? – встревожилась она. – Почему?

Он пожал плечами:

– Глупо как-то. Разве он не мог вам позвонить? Он же всегда звонил вам домой?

– Вот-вот... – прошептала Лена. – Это больше всего похоже на шутку... При чем тут Новый год?! Тогда-то я ничего не сообразила. Поехала туда, как миленькая, нашла труп.

– А почерк был его?

– Понятия не имею. Никогда не видела его почерк.

Она смотрела на него расширенными, детскими глазами. Глаза у нее были удивительного, редкого орехового цвета. Но Андрей сейчас думал не о ее глазах. Чем больше он вдумывался в ее историю, тем неуютней ему становилось. Наконец он сказал:

– Вообще-то это не шутка. Может, это случайность, а может, нет. Дед Мороз тут очень даже при чем. На открытке ведь Дед Мороз?

Он взял пейджер и заставил его воспроизвести мелодию. Лена напряженно слушала, потом вскинула глаза:

– Знакомо, но... Это что-то про Новый год?

– Песенка с детского утренника, – кивнул Андрей. – Да еще ее сейчас гоняют по радио в новом исполнении. Понимаете? Открытка – намек на пейджер. Якобы от того же человека, у которого пейджер. От Олега.

– Но я и не знала, что там за музыка, – пожала плечами Лена. – Для меня этот намек – полный ноль.

– Эта игрушка, – парень показал пейджер, – довольно дорогая. Тут большая память, четыре мелодии. Ваш сыщик мог выбрать любую музыку. Тут есть еще «Подмосковные вечера», ламбада и какая-то дребедень. Он выбрал детскую песенку про Деда Мороза. Может, это он оставил вам открытку. А может, кто-то другой. Кто знал, какая музыка на этом пейджере.

Лена смотрела ему в рот. Она слушала так внимательно, что Андрей смутился и замолчал.

– Послушайте, – сказала она, немного подумав. – Сейчас я начинаю приходить в себя, и знаете... Мне страшно. Кто-то же его убил? А я нашла. Что мне делать? Заявить в милицию?

Он развел руками:

– Если считаете нужным...

– Мне-то это не нужно, – прошептала женщина. – У меня ребенок, и я... Я платила этому сыщику, и кроме того...

Андрей все время помнил о пистолете в ее сумке. Видимо, Лена подумала о том же и замолчала. В дверь деликатно поскребся Рамиль.

– Чего тебе? – Андрей высунулся в щель.

– Журнал дай и ручку, – прошептал друг. – Вы еще долго? Клиенты едут.

Андрей обернулся к своей гостье:

– Знаете, тут все же не совсем удобно. Может, поговорим в вашей машине?

Она безропотно встала. Что-то в ней сломалось – теперь Лена слушалась безоговорочно. Спустилась по лесенке, села в свою машину. Обслужив клиентов, Андрей подошел к ней, склонился над приоткрытой дверцей:

– Вы можете сами вести машину? Если нужно, я отвезу вас домой.

– Да, я выпила немного, в каком-то кабаке, – грустно ответила она. – Такое состояние... Чем больше думаешь, тем меньше хочется жить. Я совсем запуталась. Мне так одиноко!

Кончилось тем, что Андрей сел за руль «Мазератти». Опустил стекло – Лена беспрерывно курила. Выезжая со стоянки, он заметил Светку – та плелась в гости к Рамилю. Опущенная голова, волочащиеся ноги, сосульки светлых волос... Лена назвала адрес, раскрыла сумочку, погремела там ключами. И всю дорогу молчала, только изредка указывала путь. У Андрея тоже не было охоты разговаривать. Женщина сказала, что у нее есть ребенок. Что будет, когда он доставит ее домой? С ним вежливо попрощаются и выставят за дверь. Обратно ему придется переть на своих двоих или ловить машину. Денег в обрез. Такие богатые дамы никогда не думают о последствиях. Был более приятный вариант: его не прогонят. Он попадет в ее дом. Может быть, она угостит его кофе или чем-то покрепче. Поплачется на жизнь, на мужа... Попросит быть потише, потому что спит ребенок. Погасит свет... Или оставит его включенным? У него слегка пересохло в горле. Женщина немного выпила, и это к лучшему.

– Вот этот дом, – сказала она наконец.

Он остановил машину, вынул ключ из замка зажигания. Лена заперла дверцы. Он ждал ее слов и ругал себя, что так волнуется.

– Прошу вас, пойдёмте, – она нервно оглядывалась. – Нас могут увидеть.

Они вошли в подъезд, и женщина торопливо побежала вверх по лестнице. Андрей поднимался следом и видел, как туго натягивается ее юбка при каждом шаге. Ноги у нее были красивые, лодыжки тонкие, колготки почти незаметные – только легкий отлив на икрах. И снова на ней были такие «шпильки», что Андрей удивлялся – как можно на этом передвигаться?

Она остановилась перед скромной, обитой черным дерматином дверью. Достала ключи. Нажала на дверную ручку, попробовала открыть дверь, нахмурилась, вставила ключ в замок.

– Идёмте, – почти беззвучно сказала она, покосившись на спутника. – Только тихонечко.

Андрей по-другому представлял себе ее квартиру. Он увидел ободранные полосатые обои в прихожей, старый коврик на полу, немытое зеркало. Мелькнула мысль, что лучше уйти. И тут же он услышал тихий возглас женщины:

– Боже мой!

Комната была одна. Туда он и вошел вслед за ней. Увидел стол, два стула, диван, открытую балконную дверь...

– Куда это вы меня привели? – хмуро спросил он. Андрей уже понял, что попал не к ней домой.

– Труп исчез! – Женщина показывала на диван. – Олег лежал тут, сегодня утром...

Она бросилась к дивану, перерыла чистые простыни, обшарила обивку. Взглянула на свою ладонь.

– Я ухожу, – решительно сказал Андрей. – Этого еще не хватало!

Он страшно злился на нее и на себя. Связался с дурой, с маньячкой! Раскатал губу! Так она и пригласила его на чашку кофе!

– Кто-то замыл кровь, – она по-прежнему рассматривала свою ладонь. – Диван был в крови, я же помню! А теперь кто-то все затер... Обивка влажная, но это просто вода.

– Так значит, тут была милиция! – зло сказал он. – Ключи у вас откуда?

– Я взяла их, когда уходила. Ключи торчали в двери, изнутри. Я подумала – пригодится, возьму на всякий случай.

– Пистолет носите тоже на всякий случай? – бросил он. – Ну, все. Больше я с вами не связываюсь!

Она схватила его за руку:

– Да погодите вы! Какая милиция?! О чем вы?! Смотрите, какой порядок! Тут вымыли полы! Тут была такая грязь, страшно вспомнить! Сейчас на постели – чистое белье. А было такое тряпье – хоть шампиньоны сажай! Олег тут иногда ночевал.

– Это его квартира?

– Черт его знает! – нервно оглянулась Лена. – Жить тут нельзя... Но может, он врал, когда говорил, что снимает квартиру для работы. Он был невероятный враль.

Теперь Андрей сам начинал понимать, что милиция сюда и не заходила. Он припомнил, что труп как будто обводят меловой линией. Квартиру опечатывают, если никто в ней больше не живет. Должны быть какие-то следы порошка для снятия отпечатков пальцев. Тут же не было ничего. Мебель блестела – будто ее только что протерли мокрой тряпкой. В чистом паркете мутно отражался свет люстры. На диване – ни крошки мела.

– А труп-то куда делся? – спросил он.

Они посмотрели друг на друга. Потом, не сговариваясь, обшарили всю квартиру. Это заняло ровно пять минут. Не было не только трупа – никаких признаков того, что он был. Ни капли крови, ни запаха, ничего. Андрей начинал спрашивать себя – а не имеет ли он дела с настоящей сумасшедшей? Кому понадобился труп? Куда его унесли, если он тут был? И почему без участия милиции?

– Вы уверены, что видели тело сегодня утром? – осторожно спросил он.

Лена резко обернулась:

– Я не свихнулась! Я видела его! Меня так тошнило, что я просидела на полу почти полчаса, и все это время я его видела!

– Ну, тогда его отсюда вынесли, – так же резко ответил он. – А мы-то что тут делаем? Скажете, может, зачем вы меня сюда притащили?

– Понимаете, – она запнулась. – Я потеряла ту открытку с Дедом Морозом. Думала, что оставила здесь. Но открытки нет. Ничего нет.

«Сумасшедшая, – сказал кто-то внутри Андрея. – Ничего и не было. От нее просто ушел мужик. Уж это-то правда. А остальное – бред».

– Давайте отсюда уйдем, – сказал он как можно спокойнее. – Я вас отвезу домой. Нет трупа – и не надо. И бог с ним.

Лена опустила на расшатанный стул. Она молчала и была совершенно подавлена. Андрей пытался сообразить, много ли он оставил отпечатков пальцев. Может, трупа в этой квартире и не было, но все же...

– Мы не можем уйти просто так, – вдруг очнулась Лена. – Олега убили.

– Да кто он вам? Вы-то что переживаете?

– Я боюсь за себя! А вдруг это как-то связано со мной? Если что-то случится – ребенок останется один! Моему мужу плевать, что будет с Димкой! Он стыдится этого ребенка!

– Почему? – поинтересовался парень. Он совсем перестал верить этой женщине.

Та не ответила.

– Если вы так боитесь за своего ребенка – не ходите в квартиры, где лежали трупы. Не носите при себе оружие. – Андрей шагнул к двери. – Вы идете? Или я еду один?

Но, как он и ожидал, женщина двинулась за ним. В машине она неожиданно наклонилась к нему и положила руку ему на плечо.

– Оставьте пейджер себе, Андрей. Вы не представляете, что можно быть такой одинокой, как я. Я все равно, что сирота. Может, пришлю вам сообщение. Договорились? Я дам вам свой телефон.

Она говорила мягко, умоляющим тоном. Но парень все еще нервничал:

– На этот пейджер приходят сообщения для вашего сыщика. Черт, он что – правда, умер?

У Лены были очень усталые глаза, когда она ответила:

– Умер не умер... Можете мне не верить. Но оставьте пейджер себе. А насчет сообщений для Олега... Не отвечайте на них. Просто не отвечайте. Отвечайте только мне. Я буду подписываться своим именем.

– А если среди его клиентов есть ваша тезка?

И они договорились, что Лена будет прибавлять к подписи свою фамилию – Алексеева. Она дала ему свой домашний телефон и номер пейджера Олега – на всякий случай. И завернула в бумажку два ключа:

– Это от квартиры Олега. Подержите их у себя, пожалуйста.

Андрей хотел отказаться от такого неприятного поручения. Но женщина настойчиво просила:

– Мне не хочется, чтобы их нашли у меня. А их могут найти. Пусть побудут у вас, ведь вам все равно. И не выбрасывайте эти ключи. Мало ли что может случиться.

Он отвез ее домой. Наверное, это и был ее настоящий дом, потому что она указала, куда именно поставить машину, предсказала, что сейчас в асфальте будет выбоина... И наконец, забрала у него ключи от машины. Андрей молча смотрел, как она включает сигнализацию.

– До свидания, – Лена старалась не встречаться с ним взглядом.

Он выдавил их себя «пока». Она скрылась в подъезде, а он так и не решился напомнить ей, что уже второй час ночи, а своей машины у него нет, и лишних денег – тоже. До стоянки он добрался только через сорок минут – долго не удавалось поймать машину.

Еще издали он понял, что там что-то случилось. Дверца домика распахнута. Рамиля нигде не видно. К Андрею на тяжелых нелепых «платформах» подбежала Светка:

– Рэм разбил машину Саши!

Андрею стало дурно. Армянин Саша трясся над своим новеньким «Москвичом» – купил его совсем недавно. Он вбежал на стоянку, крикнул:

– Рэм, ты где?!

Из дальнего угла доносилась ругань. Он поспешил туда и увидел Рамиля, который ругался сам с собой.

– Черт! – Андрей остановился и перевел дух. – Я думал, тебя уже быют.

– Будут! – пообещал Рамиль. – Гляди!

Светка сильно преуменьшила убытки. Рамиль умудрился побить не только «Москвич». Также он задел припаркованный рядом красный «Форд». И если с Сашей можно было как-то договориться, то на «Форде» ездил человек несговорчивый. Андрей прекрасно помнил этого мужика со звериным лицом. От него всегда несло крепким одеколоном, и он неоднократно пользовался услугами Светки. Тут подоспела и она.

– Господи... Еще и эту...

– Свет, ты его знаешь? – обратился к проститутке Андрей. Рамиль ничего не спрашивал, ни о чем не рассказывал. Он буквально онемел от горя.

– Я была с ним несколько раз, – подтвердила Света. – Живет тут неподалеку. Он водил меня домой.

– Он кто? Чем занимается?

Девушка ссутулилась, пожала плечами:

– Не знаю. Он жуткий хам, знаете... Очень требовательный и грубый.

– Рэм, мотай на ус, – Андрей еще раз осмотрел все повреждения. – Как это случилось?

Оказалось, что армянин Саша явился на стоянку пьяным. Но у него хватило ума трезво оценить свои возможности. Он не смог бы поставить машину сам – почти все места этой ночью были заняты. Попросил Рэма это сделать, дал ему ключи от машины, деньги и поплелся домой спать. Он не раз оставлял ребятам ключи, если приезжал в таком виде. Рэм сел за руль, начал маневрировать... И как будто Саша его сглазил – не рассчитал, прозевал пару сантиметров. И помял «Форду» крыло, а «Москвичу» – чего только не помял.

– Не переживайте, – ласково обратилась к бедолаге Светка. – У вас же есть машина. Отдадите, продадите... Как-нибудь...

Андрей не стал утешать друга. Он знал, что Рамиль не сможет выручить за «Тойоту» всей стоимости ремонта. Машина была настолько скверная, что ее, скорее всего, даже не купят. А

«Форд» и «Москвич» – новехонькие, с иголки. Кроме того, Рамилю принадлежала только половина «Тойоты» – лучшая или худшая – уже не важно.

– Андрюха, – растерянно сказал Рамиль. – Что делать? Впервые я так...

И он отпустил крепкое словцо. Светка пискнула еще что-то про то, что отчаиваться не стоит, и тут же досталось и ей. Иногда Рамиль напрочь забывал про свою галантность с дамами.

– Придется платить, – тосковал Рамиль. – Ну, Саша может и подождать. Пусть мне хоть морду набьет, что ли. Или сказать, что он такой и приехал?

Андрей указал ему на разбитые фары и покачал головой:

– Он же не идиот, Рэм. По-твоему, он бы забыл такой удар? Даже если напился – не забудет.

– А с «Фордом» что делать? – Рэм впал в глубокую депрессию, ему даже ругаться расхотелось. – Светка, он не мафиоз, нет?

Но от проститутки нельзя было добиться ничего толкового. Она только пожимала плечами и беспомощно утешала Рамиля. Единственное, чем она помогла – назвала имя владельца «Форда». Его звали Ихтияр.

– Татарин?! – оживился Рамиль. – Слушай, так мы с ним договоримся.

– Ага, договоритесь, – меланхолично заметил Андрей. – Думаешь, он тебя обнимет и расцелует? Мы с тобой одной крови? Ты для него – говно! А вот за свою тачку он с тебя кожу сдерет.

– Андрюха, но денег-то у меня нет! – Рамиля бросало от надежды к отчаянию. – Это же чепуха, что у меня отложено. За комнату заплатить... Хотя могу пока и не платить, хозяйка потерпит. Жрать мне надо? Ладно, могу меньше есть. Но у меня в Челнах семья, ты понимаешь? Я им должен деньги слать!

– Серьезно? – изумился Андрей, который всегда считал друга холостяком. Выяснилось, что это далеко не так. У Рамиля на родине жена и двое малышей – девочки четырех и двух годиков от роду.

– Вы что – в разводе? – Андрей все еще ничего не понимал. – Нет? А что ты тогда к москвичкам сватаешься?

– Мы не разведены, но если найду невесту – разведусь, – упавшим голосом объяснял Рамиль. – Потом, может, опять женюсь. Андрюха, займи хотя бы тыщу баксов?!

Тот чуть не перекрестился:

– Сдурел? Тыщу рублей тебе могу занять. Старыми... Я последний раз такие деньги видел, когда батя дачу продал. Мы же с тобой пополам зарабатываем – сам знаешь сколько. Может, Светка займет?

– Свет... – Рамиль взглянул на нее со слабой надеждой.

Но та смертельно испугалась:

– Что вы, что вы?! Я не могу, правда!

– Если б у нее была лишняя тысяча баксов, она бы на панель не ходила, – заметил Андрей. – Такова жизнь, Рэм. Ты знаком не с теми людьми, которые тебе нужны.

– А твоя новая баба? Лена эта? Она не даст?

– Она не моя баба, – Андрей повернулся и пошел в домик.

Там он заполнил журнал, сосчитал и запер деньги за парковку и похлопал себя по карманам. Пейджер был на месте. Ключи тоже. Он налил остывшего кофе из термоса и стал слушать радио, чтобы хоть немного отвлечься. Изредка, когда ди-джей замолкал, он слышал, как внизу, у лестницы, Рэм все еще кланчит деньги у Светки. Тот никак не мог поверить, чтобы у проститутки не было заначки.

Наутро стало ясно, что малой кровью Рамиль не отделается. Владелец «Форда», Ихтияр, действительно, оказался татарин. Но это ни от чего не спасло нерадивого сторожа.

– Машина новая, – процедил Ихтияр. Лицо у него стало темным от злости, но пока он себя сдерживал. – Шесть лимонов с тебя. Старыми. И это еще немного.

Он указал Рэму на царапины, которые тот в темноте не приметил. Рамиль не возражал. Он сокрушенно кивал и ждал удобного момента, чтобы предложить какой-нибудь компромисс – платить в рассрочку, отработать, бесплатно ставить «Форд» на стоянку... Но Ихтияр даже слушать не стал. Сказал, что ждет до конца недели, и если денег не будет... Рамиль сам должен понимать. Сел в машину и уехал.

– Шесть лимонов... Козел! – Рамиль плюнул ему вслед.

– Не брыкайся, Рэм, – Андрей зевал, сидя на ступеньке лестницы. Кофе больше в него не лез. Накануне днем он плохо выспался и теперь с трудом дотягивал до конца дежурства. – Вон идет Саша. Послушаем, что он скажет.

Саша повел себя далеко не так сдержанно, как Ихтияр. Он глазам своим не поверил. Навалился пузом на капот родной машины, обшарил повреждения, чуть не понюхал их. Обалдело уставился на Андрея. Тот дипломатично спросил:

– Ремонт, наверное, в копеечку влетит?

Рамиль замер. Была слабая надежда, что Саша возьмет грех на себя. Чего не сделаешь по пьяни. Но тот взорвался:

– Я целую машину тебе отдал, Рэм! Это что за смятка?! Ты мне зубы не заговаривай! Стукнул?! А, блядь...

Стоянка огласилась привычными звуками. Андрей успел обслужить с десяток клиентов, а Саша все орал, переходил на речитатив, как в итальянской опере, причитал, хватал Рамиля за локоть и пытался куда-то тащить. Наконец, злой, как черт, Саша ушел пешком. На такой машине его остановил бы первый пост ГАИ.

– Сколько? – Андрей увидел зеленоватое лицо друга.

– Пиши письма, Андрюха. Все гораздо хуже, чем я думал. Саша требует десять лимонов. Хотел одиннадцать, да я ему про свою семью в Челнах полчаса говорил... Сбавил. Но это уже предел. Если дам меньше или ничего – он убьет меня.

– Короче, ты влип, – Андрей в уме подсчитал долг Рамиля. – Это почти три тысячи баксов, Рэм. Без трехсот долларов. Будешь платить?

– Я повешусь, – монотонно повторял Рамиль. – Я так влип! Точно повешусь. Андрюха, займи хоть сколько-нибудь! Я заткну им пасть хоть на недельку.

– А потом что?

Рамиль отмахнулся и закурил. Глаза у него были красные. Андрей даже не стал прикидывать, чем он может помочь другу. Лишних денег у него не было. Все, что можно было продать – продал отец. Даже мельхиоровые столовые приборы – и те ушли их дома. Приходилось есть погнутыми алюминиевыми вилками. Оставалась квартира – она-то была записана на Андрея. Но квартиру парень продавать не собирался.

– Твоя Лена точно не может дать денег?

Андрей вздохнул:

– Она психованная, Рэм. Ничего она не может и не хочет.

– А Виталий?

В первый момент Андрей даже не понял, о чем речь. Потом до него дошло. Он опустил руку в карман, вынул пейджер. На дне кармана звякнули ключи.

– Рэм, там дело нечисто, – нерешительно сказал он. – Я не хочу связываться... И потом – как я возьму чужие деньги? Они же не для меня, а для Олега.

И он все рассказал другу. Тот загорелся, как спичка:

– Андрюха, ну что ты выдумываешь?! Спокойно получим бабки! Скажешь, что сыщик в отъезде, и этот Виталий отдаст деньги тебе!

– Почему не тебе? – возразил парень.

– Ладно, нам! – Рамиль дрожал от возбуждения. – Поедем туда к семи часам и возьмем бабки. Потом, если Олег потребует, вернем.

– Ты свихнулся. Мы можем так влипнуть! Этот Олег – частный сыщик, ты еще не понял? И деньги ему платят за ведение дела! За слежку! Может, этот Виталий будет пострашнее Ихти-яра и Саши! Ты же его грабишь, соображай! И откуда ты знаешь, что денег будет много? Может, там какая-то мелочь!

На самом деле Андрей был уверен, что сумма будет передаваться солидная. Он хорошо запомнил рассказ Лены о том, сколько она переплатила сыщику за пустяковые сведения. Он просто искал отговорки, чтобы Рамиль немного поостыл. Ему и самому было неудобно – получается, что он имеет возможность помочь другу, но не желает. Рамиль обиделся:

– Ладно, сиди на этих бабках. Но только ты придурок, Андрюха. Всю жизнь просидишь в дерьме, на этой вонючей стоянке. Я же вижу – тебе понравилась эта баба на «Мазератти». Так вот, пока у тебя не будет такой же тачки, как у нее – ты для нее дерьмо, ноль! Тебя что – это не унижает?

До самого полудня они больше не затрагивали эту тему. Обычно друг подкидывал Андрея до метро, если только «Тойота» была на ходу. Но на этот раз, расставаясь, Рамиль едва разжал зубы:

– Пока.

– Постой, – Андрей положил руку на крышу помятой «Тойоты». Рамиль уже сидел за рулем. – В конце концов, можно взять эти бабки как бы займы. Но ты отдашь, Рэм! Ты их все равно отдашь!

– Ты согласен? – Рамиль распахнул дверцу. – Андрюха, ты... Да ладно, сам все понимаешь... Но ты у меня единственный друг в Москве! У меня такие только в детстве были.

И Андрей, садясь в машину, подумал, что у него самого таких друзей не было и в детстве. Ему было тошно снова отправляться на ту подозрительную квартиру, врать, брать на себя такую ответственность... Но отказать Рамилю он уже не мог. Они договорились, что тот заедет за Андреем в шесть. У них оставалось совсем немного времени для того, чтобы выспаться.

* * *

Нужный дом Андрей нашел чудом. Не один раз Рамиль, чертыхаясь, давал задний ход, и «Тойота» с воем выползала из очередного переулка, куда они заехали по ошибке. Ни дома, ни квартиры Олега Андрей не помнил по номерам. Он все восстанавливал по ассоциациям, но в конце концов, увидел знакомую дверь, обитую черным дерматином. Поковырял ключами в замках, и те открылись.

– Слава богу, – шепнул Рамиль, с опаской протискиваясь в прихожую. – А я уж боялся, что мы в чужую хату влезем...

С точки зрения Андрея, в квартире ничего не изменилось. Может быть, стало не так чисто – по паркету перекатывался тополиный пух, влетевший в открытый настежь балкон. Рамиль с удивлением оглядывал убогую обстановку.

– Это так живут частные сыщики? – подозрительно спросил он. – Черт... Я думал, как-то иначе. А где был труп?

– Там, где ты сидишь, – бросил Андрей, увидев, что Рамиль расположился на диване.

Тот посмотрел на него, как на ненормального:

– Я же пошутил. А ты веришь этой бабе?

– Нет! – Андрей смотрел на часы. – Без пяти семь. Может, тебе лучше посидеть на кухне? Он увидит нас вдвоем и перепугается. Только не греми там ничем. Если что – мы сотрудники Олега. Ты – фотограф, я – ну, шофер, что ли...

В дверь позвонили. Рамиль молниеносно скрылся в кухне. Андрей с тяжелым сердцем пошел открывать.

– Кто? – спросил он, глянув в глазок. Там виднелся мужчина в темном костюме – в такую-то жару!

– Мне Олега, – сдержанно произнес тот.

Андрей приоткрыл дверь:

– Назовитесь, пожалуйста.

– Я Виталий, – тот уже нервничал. – Олег дома?

– Проходите!

Была опасность, что клиент повернется и сбежит. Андрей ему явно не понравился. Но, видно, охота была пуще неволи, и тот переступил порог. Андрей вошел в комнату. Виталий все так же нерешительно следовал за ним.

– Дело в том, что Олег на недельку отъехал, – сказал Андрей и испугался, увидев произведенный эффект. Виталий пошел белыми пятнами.

– Куда? – выдавил он.

– В область, по-моему. Он просил меня вас принять. Мы вместе работаем, меня зовут Андрей.

Парень протянул руку. Виталий подумал, и руки ему не дал.

– Он должен был заниматься моим делом, – жестко сказал клиент. – Сегодня он должен передать мне сведения. За что я ему плачу?

– Он поехал как раз по вашему делу. Там какие-то новые обстоятельства возникли, – осторожно пояснил Андрей.

Клиент оживился:

– Где возникли? В Солнцево? В Жуковском?

– Он, сами понимаете, мне не сказал. – Андрей облился потом и наконец решительно произнес: – Но Олег просил, чтобы я взял у вас деньги. Они ему сейчас очень понадобятся.

Виталий без возражений достал из внутреннего кармана пиджака пухленький конверт, положил его на стол:

– Здесь все, как мы договорились. Пересчитайте и напишите-ка расписку.

Андрей взял конверт. Пальцы у него не гнулись. Он считал долларовые бумажки, и в глазах у него темнело. Пять тысяч. Пять тысяч долларов.

– Верно? Расписку! – потребовал клиент.

Андрей беспомощно порылся в карманах и попросил бумагу и ручку. Мелькнула мысль, что расписку должен писать Рамиль – ведь деньги берет он. Вспомнился отец, который всегда говорил: «Не давай никому расписок под деньги!» Тот как-то в молодости здорово вляпался с такой распиской. Но если позвать Рамиля, клиент перепугается и уйдет. На кухне была мертвая тишина.

Андрей сам не помнил, что именно написал. Наверное, формулировка была дикая, тем более что он не знал даже фамилии Олега – своего мнимого начальника. Свою фамилию он тоже ставить не стал, выдумал на ходу другую. Но паспорт у него проверять не стали. Виталий немного удивленно посмотрел на клочок бумаги и спрятал его в карман.

– Когда вернется Олег, точно? – поинтересовался он.

– Не знаю. Звоните ему на пейджер, – посоветовал Андрей. И тот ушел.

А поздно вечером Ихтияру вручили тысячу долларов. Тот не обрадовался и не удивился. Взял деньги, посчитал, секунду посмотрел на Рамиля и сказал: «Ладно». Андрей попросил расписку – на всякий случай. Ихтияр подумал еще, и расписку написал – дескать, претензий к Рамилю насчет ремонта машины больше не имеет. Армянин Саша получил полторы тысячи и тоже благодарить не стал. Видимо, считал, что моральный ущерб никакие деньги не возместят.

Пятьсот долларов Рамиль выклянчил у Андрея взаймы. На руках у парня после всех расчетов осталось две тысячи. А на сердце лежала тяжелая черная жаба.

– Да ладно тебе! – ликовал Рамиль. – Ты же написал другую фамилию! Какие могут быть к тебе претензии?

Но Андрей его не слушал. Ему была даже неприятна радость друга. Он называл себя идиотом и больше ни на что не надеялся. Рамиль этих денег никогда не вернет – это ясно. Он считает, что деньги свалились с неба, вроде как дар Аллаха. А что будет, когда появится Олег и узнает, что вместо него денежки получили другие? А что будет, если Олег... не вернется? Он почти не верил Лене – в ее рассказах было слишком много неувязок. Но открытка с Дедом Морозом – неужели она ее выдумала? Чего ради она притащила его на квартиру к сыщику? Из-за открытки? Из-за чего-то другого? Он достал пейджер и сменил мелодию на «Подмосковные вечера». Песенка про Деда Мороза давно уже действовала ему на нервы. Но сообщений больше никто не присылал. Все забыли про сыщика, а Лена как будто забыла про Андрея.

Она позвонила глубокой ночью. Две фразы – и Андрея прошибла дрожь: «Он все-таки умер. Приезжайте ко мне срочно, встречу вас у подъезда. Подпись – Алексеева Лена». Андрей прочел сообщение и стер его. Что хуже – иметь дело с сумасшедшей бабой или с мертвым сыщиком? А может, с обоими сразу? Полчаса он вытерпел, приводя в порядок журнал. Потом пил кофе, не чувствуя, положил сахар или забыл. Ему было как-то безразлично. Пейджер жег карман. Хотелось положить эту гадость на пол и давить, давить, пока оттуда не перестанет сочиться яд. «Это чужие проблемы, а не мои! – говорил он себе. – С меня достаточно. Вполне достаточно уже того, что я украл деньги. Больше никогда не свяжусь с этой бабой». Но даже отключить пейджер он не решился. Лена прислала еще одно сообщение: «Я боюсь за себя и за вас. Это срочно и серьезно. Приезжайте. Подпись: Алексеева Лена».

Рамиль присутствовал при том, как Андрей получил это послание и прочел его.

– Назначает свидание? – завистливо спросил он. – Прямо сейчас? А у вас точно, еще ничего не было?

Андрей стер сообщение и не ответил.

– А с Наташей ты что – завязал? – с еще большей завистью спросил Рамиль. – Тебе везет на симпатичных девчонок. Одна другой лучше. Но Наташа – моложе. Ты подумай, пока не бросай ее.

Андрей молчал. Он не звонил Наташе с того самого вечера, как нашел пейджер. Прошло всего два дня – а ему казалось, что последняя встреча была давным-давно. Так давно, что он даже цвет ее глаз начал забывать.

– А если тебе назначают свидание – надо ехать, – убежденно сказал Рамиль. – Я же тебе по гроб жизни обязан! Подежурю один. Возьми мою машину, слышишь?

А может, купишь себе поддержанную? За две тысячи – вполне можно.

– Это не мои деньги! – процедил Андрей.

Рамиль ничего на это не сказал. Он только попросил у Андрея номер пейджера – чтобы иметь возможность с ним связаться. Андрей на миг засомневался, но потом все же дал номер. По сравнению с присвоением чужих денег, это было детской шалостью. Он захлопнул журнал, взял у Рамиля ключи от «Тойоты» и вышел.

Лена ждала его во дворе, как обещала. Ее фигура четким силуэтом выделялась на фоне освещенного подъезда. На плече у женщины висела сумка, будто она собралась уходить и только ждала такси. Он вспомнил о пистолете, который она носила с собой, и обругал себя идиотом. Нельзя было откликаться на ее зов.

– Как вы долго! – бросилась она к Андрею. – Пойдемте скорее наверх. У меня ребенок один.

Теперь она привела его домой – в этом не было никаких сомнений. Цветастые пушистые тапочки в прихожей, косметика на подзеркальнике, запах борща. У Андрея засосало в животе

– он сто лет не ел ничего подобного. Сам он готовил примитивно – умел сварить макароны и открыть консервы. Отец не готовил вообще – да он почти ничего и не ел.

– Я нашла эту гадость в почтовом ящике. – Лена тащила гостя прямо на кухню. – Час назад. Я спустилась вынести ведро и увидела открытку.

Открытка лежала на столе. Андрей, не прикасаясь к ней, рассмотрел Деда Мороза, несущего на плече наряженную елку и мешок с подарками. «С Новым годом!» – гласила витиеватая надпись.

– Да вы переверните ее, – сказала Лена каким-то странным голосом и отвернулась.

Андрей перевернул открытку. С обратной стороны вместо послания имелась фотография, сделанная «Полароидом». На тусклом бежевом фоне был изображен мужчина. Точнее, только голова мужчины – она была снята крупным планом. Андрей увидел нездоровое, желтое лицо, опечаленные веки, стеклянный, погасший взгляд. В светлых волосах виднелось большое темное пятно. Фотография произвела на него жуткое впечатление, в ней было что-то ненормальное, пугающее.

– Это Олег, – сдавленно произнесла Лена. – Видите? На голове. Там дырка и кровь. Не сошла же я с ума. Я нашла его вот таким. Он мертв. Вы мне не верили, и я даже сама стала сомневаться. Ну, мало ли что – вдруг у меня крыша поехала? Вдруг у меня был бред? Меня тошнит...

Она уселась за стол и спрятала лицо в ладонях. Андрей перевернул открытку картинкой вверх. Он не хотел больше рассматривать покойника. А что это был покойник – он теперь видел и сам.

– Это кто-то шутит, – сказал он, с трудом справившись с зажигалкой. Вдохнул табачный дым и слегка пришел в себя. – Почему вам так повезло, Лена? Вы-то его не убивали?

– Я не понимаю, – она мотнула головой. – Это выглядит как шантаж, но чем меня шантажировать? Я только нашла его, только нашла и убежала. Надо было вызвать милицию, но я...

– А почему вы не вызвали? – спросил Андрей. – Вам-то чего бояться? Это Олег работал без лицензии, а не вы.

– Они начали бы выяснять, почему я с ним связалась, – всхлипнула женщина. – Они бы обязательно выяснили. А я не могу, чтобы все знали.

Андрей пожал плечами. Она подняла на него мокрые, покрасневшие глаза. Они как будто стали меньше и светлее от слез. Теперь она плакала не как киноактриса, а как простая женщина.

– Тут ведь не просто измена, не просто развод, – сказала она. Каждое слово давалось ей с трудом. Она будто переламявала себя. – Это я преступница, я! Если разобраться. Мой муж – это мой брат. В самом прямом смысле.

ГЛАВА 4

Мужчина открыл глаза первым. Ночь прошла тревожно, он почти не спал. Его нервировала непривычная обстановка, чужая квартира. Ему часто приходилось ночевать тут и раньше, но теперь он жил здесь постоянно – а это была большая разница. Он оперся на локоть и взглянул на женщину. Та лежала на спине и ровно, спокойно дышала. Темное лицо с грубоватыми, но приятными чертами. Волна черных пышных полос на подушке. Тело, рельефно выступающее из-под простыни. На какой-то миг мужчина ощутил смутное сожаление – днем она выглядела куда эффектней. Потом подступила тоска. Он выбрался из постели, прошел на кухню, сварил себе кофе – очень густой, по своему вкусу. Налил полную чашку, устроился за столом и потянулся за сигаретами.

– С ума сойти... – Ясный голос заставил его вздрогнуть. – Зачем вставать так рано?!

– Спи-спи, – нервно ответил он.

Но Маша не ушла. Она присела на корточки у стены. Вместо ночной рубашки на ней были белые трусики и маечка. Густой загар казался еще темнее по сравнению с белизной кружевного белья.

– Скучаешь по семье? – спросила она, задумчиво рассматривая плитки пола.

– Немного.

Он прихлебывал кофе и пытался справиться с тоской. «Это глупо, – уговаривал себя Толя. – Так паршиво будет только первое время. Самое страшное уже кончилось, все позади».

– Ты можешь ходить к сыну в гости, – сказала Маша. – Я не против. И деньги твои мне не нужны. Плати алименты, на здоровье. Чего ты такой скучный?

Он пожал плечами и вслух обозвал себя дураком. Она встала и засмеялась. Потом девушка сидела у него на коленях, и он чувствовал пряный запах ее кожи.

– Ты чудесно пахнешь после сна, – сказал он, закрывая глаза. – Как булочка с корицей.

Смуглые пальцы ерошили ему волосы. Маша покачивалась у него на коленях и гудела какую-то песенку. Внезапно он отдернул голову:

– Опять ты поешь эту дурь? Смени пластинку!

И Маша пообещала, что отныне будет петь что-нибудь другое. Они вернулись в спальню и легли. Город за окном только начал просыпаться. Через пару часов Москва станет пеклом, раскаленной адской топкой, откуда некуда сбежать – не поможет ни кондиционер, ни прохладный душ. Но сейчас воздух был еще чист, в нем осталась тень свежести. Кожа у Маши всегда была прохладная, и мужчина жадно целовал ее, будто всасывал эту прохладу. Ее дыхание раскалялось – она вдыхала воздух, а выдыхала пламя. Она тихонько посмеивалась, глаза сияли – женщина стала такой красивой, что он уже ни о чем не помнил и не жалел.

Через час он встал и принял душ. Колючие мелкие струйки ударили его в шею, в грудь, прогнали остатки сна. Он растерся грубым вафельным полотенцем, одел свежую рубашку, с неохотой влез в брюки – в такую жару Толя предпочел бы шорты.

– Здорово выглядишь, – Маша поцеловала его уже у порога. – Не забудь ключи, я ведь могу и выйти.

– Куда? – Он спрятал ключи в карман. – В такую жару? Сидела бы дома.

– А кушать что будем? – Она ластилась к нему, будто кошка. – Не задерживайся. Приходи скорее.

Наконец он отцепил от своей шеи ее руки. Подержал их, сжимая тонкие запястья. Она смеялась и пыталась вырваться. Потом утихла. Он вышел и услышал, как за спиной щелкают запираемые замки. Маша всегда запирала дверь с маниакальной тщательностью. Лифта в доме не было. Он побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки, чувствуя себя мальчишкой.

Между третьим и вторым этажом он почувствовал неожиданный прилив счастья. Больше не надо скрывать, с кем живешь, не надо прятаться от собственной матери, бояться своего же ребенка... Он свободен!

Между вторым и первым этажом он споткнулся и упал. Что-то взорвалось у него в груди. Толя уцепился за перила, попытался подняться и увидел, что грудь его белой рубашки стремительно меняет цвет. Ткань стала отвратительной, липкой, алой. Ему показалось, что на площадке первого этажа с грохотом хлопнула железная дверь. Потом он увидел этого человека с пистолетом. Он видел его всего секунду, не больше. А потом уже не видел ничего.

– Толя! Толя! Господи! – дикий крик пронзил насквозь все пять этажей. Вокруг трупа стали собираться люди. Сверху донесся женский визг, прошлепали босые ноги... Маша сбегала по лестнице, зажав ключи в кулаке, придерживая на груди разлетающийся халат. Отпихнула соседей, упала на ступеньку рядом с телом любовника, обняла его, попыталась поднять. Увидев его лицо, разжала руки...

Такого звука никто из присутствующих никогда не слышал. Это был звериный вой – хриплый, долгий, отчаянный. Какая-то женщина попыталась взять Машу за руку и поднять:

– Идемте, идемте отсюда!

– Муж? – спрашивал кто-то.

Машу увели в какую-то квартиру. Усадили на диван, заставили выпить воды. Девушка держала стакан трясущимися, окровавленными руками и никак не могла сделать первый глоток. Кто-то звонил в милицию, вызывал «скорую помощь». Потом Машу отвели наверх, в ее квартиру. Там она вымыла руки, переоделась. Ее ни на миг не оставляли одну. Теперь вокруг были в основном пожилые женщины, которым не надо было идти на работу. Все остальные разбежались.

– Мы хотели пожениться... – Маша сидела за кухонным столом и время от времени начинала хрустеть пальцами. – Ой, я знала, что так все кончится! Его жена – стерва, гадюка! Она обещала ему пулю, если он ко мне уйдет! Она даже сыщика наняла, мерзавка!

Соседки слушали, затаив дыхание. Маша давно вызывала у них интерес. С тех самых пор, как поселилась в этом доме, в квартире, купленной заботливым отцом. Все знали, что девушка нигде не учится и не работает. По ночам из ее квартиры часто звучала музыка. К ней приходили гости – как мужчины, так и женщины. Иногда у нее появлялся постоянный друг, но это постоянство было относительным. Больше месяца никто с девушкой не жил. Она вызывающе, богато одевалась, ездила на новенькой «Шкоде», ни с кем во дворе не здоровалась. И вот теперь соседки осматривали ее квартиру, а сама Маша говорила без остановки – даже расспрашивать было не нужно.

– Постоянно звонила, узнала мой телефон... – жалобно говорила та. – Звонила днем и ночью. Толя говорил – не будем терпеть, давай заявим в милицию. Я не хотела. Это же наше личное дело, правда же? И потом, она ведь пока ничего не сделала... Милиции на эти звонки с угрозами наплевать! Он меня с родителями познакомил. Они так обрадовались, что он будет разводиться с этой стервой! Она им давно поперек горла встала. Она даже запрещала Толе общаться с матерью, представляете? Мы пили чай... – Маша едва справилась с нервным удушьем. – И тут явилась эта Лена и сказала, что убьет его. При свидетелях сказала. Это все слышали. Но кто же знал, а?! Я думала, она не всерьез...

Соседки даже ахать не могли. Они только качали головами и продолжали осматривать обстановку. Через десять минут в квартиру поднялся наряд милиции, и посторонних попросили выйти. Маша встревоженно встала из-за стола:

– А его... Его увезли?

И узнав, что теперь она увидит любовника только в морге, после вскрытия, Маша заплакала – впервые с того момента, как увидела труп.

* * *

Андрей заплатил женщине откровенностью за откровенность. Труднее всего было признаться, что он взял чужие деньги. Но на Лену это не произвело никакого впечатления. Она как будто и не услышала этого. Сидела, поставив локти на стол, глядя на фотографию трупа. Давно наступило утро. В кухне пахло сигаретным дымом – они всю ночь курили и довели себя до того, что один вид сигарет теперь вызывал отвращение. Время от времени женщина уходила взглянуть на ребенка. Перед рассветом Андрей тоже увидел мальчика – тот заглянул в кухню, изумленно оглядел чужого мужчину... В ребенке не было ничего ненормального – обыкновенный московский пацан, немного бледный, болезненного вида, ухоженный, в нарядной пижамке. Парню не совсем верилось в рассказ Лены. До сих пор он сомневался – в порядке ли у нее психика? Но на столе лежала фотография, и она-то уж кое-что подтверждала.

– Лен, – сказал он наконец. – В конце концов, что вы так беспокоитесь? Хорошо, его убили. Хорошо, вы там были и видели труп. Не заявили в милицию. Были его клиенткой. Это все чепуха. За это не сажают! Ведь убивали не вы? Забудьте!

– Забыть?! – Лена встала из-за стола и включила газ. – Я была там, я его видела, он назначил мне встречу открыткой! У меня был пистолет, в конце концов! А вот теперь кто-то хочет, чтобы я об этом помнила! Зачем мне прислали эту гадость?

Андрей тоже встал. Он взял фотографию и поднес ее к зажженной газовой конфорке. Лена ахнула, увидев, как загорается плотная бумага. Дождавшись, когда снимок с открыткой сгорит наполовину, Андрей бросил огненный комок в раковину из нержавеющей стали. Там он превратился в черный ломкий пепел.

– Здесь нечем дышать, – после долгой паузы сказала женщина. – Сплошной дым. Пойдемте в комнату. Выпьем кофе и простимся.

«Меня выставляют, – понял Андрей. – Промурыжили всю ночь, обкурили, накачали кофе и просят удалиться. Ладно, уйду. Теперь уж с концами».

– Я вам благодарна за то, что вы сделали, – сказала Лена, подавая ему чашку. – Надо было сжечь эту дрянь сразу.

– Надо сделать еще кое-что, – мрачно сказал Андрей. – Избавьтесь от пистолета.

– Да? Вы думаете? – она нерешительно взглянула на него и замолчала.

Эта мысль ей явно не понравилась. Андрей не прикасался к кофе – ему уже все осточертело. Он взглянул на часы и понял, что Рамиль фактически все дежурство провел один. Конечно, за три тысячи можно дежурить и дольше, но Андрею все равно было не по себе.

– И я еще вас хочу попросить, – сказал он, поднимаясь. – Чтобы вы никому не говорили, что я был у сыщика в квартире. Не стоит. И вот ключи от его квартиры, они мне не нужны.

Вместе с ключами он хотел отдать и пейджер, но женщина упростила его не делать этого. Они все еще пререкались, когда зазвонил телефон. Лена взяла трубку и повернулась к гостю спиной. Андрей смотрел на ее белую шею с завитками рыжих волос, на воротник кремовой шелковой блузки... Он видел, как опускаются и поднимаются ее ресницы. Он смотрел и думал, что она, конечно, очень красивая, чудесно выглядит, сладко пахнет... И все-таки есть в ней что-то странное. Если не безумие, то начало безумия. И слишком много тайн. Немного позже до него дошло, что с того момента, как Лена взяла трубку, она не сказала ни слова. Она только представилась, а потом просто долго слушала, пока не положила трубку.

– Его убили, – сказала она каким-то механическим голосом.

Андрей молча следил за тем, как она ходит по комнате. Лена двигалась рывками, будто игрушка, у которой сели батарейки. Потом она наткнулась на столик с журналами и остановилась.

– Вы о ком? – спросил Андрей, когда понял, что сама она не заговорит.

Вместо ответа она бросилась в прихожую. Он пошел за ней и увидел, что она вытряхивает на подзеркальник содержимое своей сумки. Потом она так же распотрошила другую сумку, третью...

– Нет, нет! – бормотала она, вороша косметику, носовые платки, разное женское барахло.

– Что вы ищете? – Андрей видел, что она близка к истерике или к обмороку.

– Пистолет, мой пистолет! Мой «Макаров»! Олег купил мне пистолет, а теперь его нет!

– А кого убили?

– Моего мужа! Только что! – И она вдруг бросила поиски оружия, села на пуфик и зарыдала. Из своей комнаты прибежал ребенок. Он боялся чужого человека, но ему все же хватило смелости пробраться к матери и обнять ее:

– Мам, мам, ты что?

– Ничего, мой золотой! – Женщина торопливо вытерла слезы. – Ты голодный?

Мальчик отказался завтракать. Он рассматривал Андрея. Глаза у ребенка были темные и глубокие, как у матери.

– Давайте спустимся и поищем в машине, – сказал Андрей. – Понимаете меня?

Лена беспомощно развела руками:

– Мне сказали быть дома.

– Кто это вам сказал?

– Милиция. А я ничего, ничего не смогла им сказать в ответ. Как полная дура, как идиотка... Они сказали, что приедут прямо сейчас.

Андрей решительно заявил:

– Так пока не поздно, спускайтесь вниз! Чего вы ждете?! Чтобы они нашли все сами?

Они вышли во двор и вместе обыскали машину. У Лены задрожал подбородок. Она не верила своим глазам:

– Пистолета нет!

Андрей огляделся по сторонам. Во дворе было уже совсемлюдно. Кто-то гулял с собакой, кто-то возился с машиной, дети шли в школу... Многие пристально разглядывали сперва Андрея, потом Лену – ее все тут знали в лицо. «Еще немного, и здесь будет милиция, – подумал парень. – Зачем мне это надо?»

– Я поехал, – сказал он, стараясь не смотреть на женщину. – Мне надо на работу, Рамиль там всю ночь один.

И тут же схватился за карман – оттуда донеслись «Подмосковные вечера». Лена подняла бровь:

– Радио?

– Нет, – смутился Андрей, доставая пейджер. – Я сменил музыку, та мне надоела...

Он прочел сообщение, и ему стало дурно. О себе напоминал Виталий: «Олег! Не затягивайте дело, а то будет поздно. Свяжитесь со мной по телефону...» Далее следовал номер и подпись. Лена даже не поинтересовалась, кто прислал сообщение. Взгляд у нее был отсутствующий. Андрей попрощался с женщиной, та не ответила. Он пересек двор, сел в побитую «Тойоту» и отправился на стоянку.

Рамиль не сказал ему ни слова упрека. Он оглядел друга и заметил:

– Ну, вид у тебя довольный. Круги под глазами... Не спали?

– Нет! – рявкнул Андрей. – Разговаривали!

Тот хитро сощурился и покачал головой:

– Ладно, ладно, я не лезу в твои дела. Надеюсь, ты был на высоте.

Андрея трясло от злости. Сейчас он обзывал себя дураком, любопытным мальчишкой, который сует нос, куда не следует. Если бы он не забрал чужие деньги – Рамиль расплатился бы сам, и дело с концом! Если бы он не поднял этот проклятый пейджер – он никогда не встретил бы Лену! Жил бы спокойно, воевал с отцом, встречался с Наташей! А что он имеет сейчас?

Две тысячи долларов, которые нужно отдать. Женщину, которая водит его за нос и ничуть не интересуется им, как мужчиной. Непокойную совесть. Да еще эта проклятая расписка у Виталия! Он рассказал Рамилю о последнем сообщении на пейджере. Тот присвистнул и легкомысленно ответил:

– Забудь навсегда. Ты что – собрался с ним еще раз встречаться? Пусть он ищет этого Олега и требует бабки с него.

– Олег мертв!

– Серьезно? – Рамиль чуть притих, услышав про фотографию трупа. – Да, дела творятся темные... Значит, труп исчез, а ментов там не было? Кто же его унес? И как?

– Меня больше волнует, как быть с Виталием, – отрезал Андрей.

И тут Рамиль показал, на что он способен. Прежде всего, он попросил друга не волноваться и слушать спокойно. Напомнил ему, что у сыщика были и другие клиенты, кроме Лены и Виталия. Напомнил, что две клиентки даже посылали сыщику сообщения на пейджер. И наверняка с этих двух баб можно снять деньги.

– Ты рехнулся?! – Андрей с изумлением смотрел на него. – Рэм, ты соображаешь? Олег умер, сколько тебе говорить!

– Ну и что? – не сдался тот. – Тем более, ему бабки больше не нужны. А ты расплатишься с этим Виталием. Все-таки лучше взять деньги у богатых баб, чем у мужика.

– Рэм, Олег умер! – У Андрея просто руки опускались, – друг ничего не желал понимать. – Если мы начнем заниматься такими делами, получается, что нам выгодна его смерть! Если нас поймают за руку – обвинение готово!

Рэм призадумался и признал, что это правда. И тут же заявил:

– А если это кому-то выгодно, пусть лучше будет выгодно нам! Ты сам подумай – кто тебя за руку поймает? Труп исчез, ментов там не было. В квартиру пойдем вместе. А можем и в другом месте встречаться с клиентами. Соберем урожай и исчезнем. И никаких больше расписок, Андрюха. Хватит одной глупости.

– Рэм, если нас поймают, то сразу предъявят обвинение! Получится, что Олега убили мы, чтобы зацапать его дело и денежки! – Андрей почти выкрикнул это. Его привел в себя гудок машины, которую хозяин желал загнать на стоянку. Разговор замяли, но Андрей сторонился друга до конца дежурства.

Когда он вернулся домой, отца опять не было. В последние дни они почти не виделись. Спать не хотелось. Андрей немного прибрался, поставил вариться картошку, нарезал колбасы. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким, как сейчас. Парень включил телевизор, открыл принесенную с собой банку пива. Держать в доме запасы алкоголя было невозможно – приходилось покупать понемногу, по мере надобности. Он смотрел какой-то старый польский фильм, когда зазвонил телефон. Это была Наташа.

– Ты уже вернулся? – хмуро спросила она. – Звоню тебе целый час.

Андрей был поражен. Чтобы она позвонила сама – такого никогда не бывало.

– Понимаешь, заработался, – оправдывался он. – Неприятности на стоянке, Рэм разбил две машины.

Наташа как-то была на стоянке в гостях. Посещение было неудачное, потому что в домик охранников в то же самое время попыталась сунуться Светка. Наташа мгновенно поняла, чем занимается эта белобрысая пигалица. Она будто окаменела и предпочла не задерживаться. Андрею пришлось очень долго доказывать, что Светка приходила именно к Рэму.

– Ну, как пейджер? – поинтересовалась Наташа. Извистие о Рэме ее ничуть не интересовало.

– Работает, – сдержанно ответил Андрей. – А почему тебя это интересует? Кстати, могу дать номер.

Ее голос зазвенел, в нем так и слышалось недоверие:

– Так пейджер не отключат? В самом деле? Он теперь как бы твой? Откуда ты это знаешь? Она записала номер и не упустила возможности уколоть парня:

– Все равно это ненадолго, так что не стоит и записывать. Ты помнишь, что у меня сегодня короткий день?

В субботу ее сберкасса закрывалась в три часа. Андрей только сейчас вспомнил об этом. Вспомнил он и о Лене, и об Олеге, и о деньгах... И ему захотелось хоть несколько часов пожить нормальной жизнью. Своей прежней жизнью, но только более красивой.

– Так ты свободна? – переспросил он. – Тогда я тебя приглашаю в кафе.

– В кафе? – оживилась она. – А в какое?

– Да в какое захочешь.

– Нет, ты серьезно? – Она все еще не верила. – Только не в «Макдоналдс», ладно? В нормальное кафе. Где есть официанты, свечи, музыка. И чтобы ты не пил там пива!

– Так я ничего, кроме пива, не пью! – возразил он. В конце концов, девушка сдалась. Но это была ее единственная уступка.

Они встретились как обычно, на Тверской, у памятника Пушкину. Наташе так было удобней – ее сберкасса располагалась неподалеку, в переулках возле Малой Бронной. Сегодня девушка особенно тщательно нарядилась. Прозрачная блузочка, короткая белая юбка, туфли на огромной платформе – почти как у Светки. Андрею показалось, что Наташа по такому случаю вымазала на себя очередную порцию крема для искусственного загара. Она была просто коричневой, как мулатка. Серые глаза совсем выцвели на фоне темного лица. Парень немного оторопел, но все же поцеловал подругу:

– Здорово выглядишь!

– Ты просто давно меня не видел, – она стрельнула глазами по сторонам, – какое впечатление она производит на прохожих. – Пойдем? Знаешь, моя заведующая посоветовала мне классное кафе. Это здесь рядом, пять минут ходьбы. У памятника Высоцкому.

Они медленно пошли по бульвару. Жара была невыносимая, и Андрея клонило в сон. Это время суток он обычно проводил в постели. Девушка висла у него на руке и о чем-то рассказывала. Он почти не вслушивался, пока до него не донеслись слова:

– Если Рамиль уволится, поговори насчет Димы, ладно?

– Стоп, при чем тут Рэм? – Андрей прогнал сонную одурь.

– Так ты не слушал? – обиделась она. – Ладно, потом объясню. Мы пришли.

Кафе было оформлено в ковбойском стиле. На стенах висели седла со стременами, сапоги со шпорами, куча шляп, черно-белые фотографии начала века, изображавшие сцены из тexasской жизни. Андрей ознакомился с меню наискосок. Он с детства привык считать каждую копейку, но теперь ему было как-то все равно. Наташа делала заказ, каждую секунду поглядывая на Андрея. Ей явно не верилось, что кавалер сможет расплатиться по счету. Себе Андрей заказал мясо, салат и коктейль с текилой – на нем настояла Наташа. У него не было никакого желания спорить с ней и попросить себе пива.

– Здорово тут, – Наташа проводила взглядом молоденькую официантку в синей кепочке и голубой блузке.

– И народу не слишком много.

За соседним длинным столом гуляла шумная компания. С виду – служащие одной фирмы. Мужчины в деловых костюмах уже изрядно выпили, сняли с себя, что могли, вплоть до галстуков, и теперь хохотали на все кафе. Андрей морщился каждый раз, когда слышал взрыв смеха – у него начинала болеть голова. Наташа попросила у него сигарету и еще раз восторженно осмотрелась по сторонам.

– Что ты сказала про Рэма? – спросил Андрей. – Я не совсем понял.

Она выложила ему свой план. Если бы Андрей не обмолвился, что Рэм разбил две машины, она бы не стала говорить. Но раз такое дело, то... Короче, у заведующей ее сберкассы

есть сын. Учиться сын не хочет, а то бы мать его давно пристроила на хлебное место. Одним словом, этот Дима – не парень, а горе. Зато почти не пьет и вполне надежен. Так вот эта заведующая ищет для него хорошее место. Наташа рассказала ей про стоянку, про тамошние заработки, про чаевые... И Клара Павловна очень-очень заинтересовалась.

– Ну и в чем дело? – хмуро спросил Андрей, выслушав эту простую историю.

Наташа подождала, когда уйдет официантка, которая как раз закончила подавать на их столик. И мягко сказала:

– Ты понимаешь, если б я устроила ее Димку на работу, она бы мне тоже помогла. Я бы продвинулась, она бы мне премии выписывала почаще. А то, понимаешь, у меня же никаких надежд нет. Никакого роста!

– Рэм не собирается увольняться. А тебе вредно ходить в такие места, как это. Становишься честолюбивой. – Андрей положил нож и вилку. У него пропал аппетит.

– А ты не честолюбивый? – девушка слегка пожала плечами и поправила прическу. – Кстати, с чего это ты раскошелился? На чай получил?

Андрей закурил и уставился в маленькое окошко. Настроение испортилось окончательно. Он пил свой коктейль – чистый апельсиновый сок, да и только. Наташа молча ела и больше не пыталась его поддеть. Наконец парень стал посматривать на часы.

– Куда-то торопишься? – спросила Наташа. – У тебя появились дела?

– Просто пора спать. Я еще не ложился после дежурства. – Он подозвал официантку и рассчитался.

На улице Наташа сама взяла его под руку:

– Не обижайся за Рамиля. Я хотела, как лучше.

Думала, что его теперь уволят... Зачем тебе напарник со стороны? Димка – лучший вариант.

– Его не уволят, он уже расплатился, – вырвалось у Андрея.

Больше она не спрашивала ни о чем. Просто шла рядом, глаза по сторонам, убивая комаров на коричневых голых руках. Затащила Андрея в парфюмерный магазин и принялась нюхать духи. Время от времени она протягивала ему пробку от духов и просила сказать, нравится ли запах.

– Вот этот ничего, – сказал он, понюхав очередную пробку. – Что это?

– «Поэм» от «Ланком», – шепнула Наташа. – Прелесть духи. Сладкие. Что ты улыбаешься?

А улыбался он потому, что вспомнил, от кого пахло точно так же. У Лены были такие же духи или очень похожие.

– Давай, я тебе куплю, – предложил он. – Я тебе еще ничего не дарил.

Когда они вышли на улицу, ее сумочка потяжелела – там лежал большой флакон парфюмерной воды «Поэм». Наташа пританцовывала на ходу. Казалось, на земле ее удерживают только массивные платформы. Время от времени девушка изумленно поглядывала на кавалера и замедляла шаг.

– Ясно, что тебе покоя не дает, – Андрей остановился, чтобы достать сигареты. – Хочешь знать, откуда у меня лишние деньги?

Она попыталась отнять у него пачку:

– Ты сегодня ужасно много куришь!

– Так хочешь знать, откуда у меня бабки? – допытывался он.

У Наташи забегали глаза. Это выглядело и смешно, и неприятно. Он чуть не рассмеялся и сразу вспомнил Рамиля. Тот оживлялся точно так же, когда дело касалось денег.

– Я взял эти бабки взаймы у одного нехорошего человека, – шутливо объяснил Андрей. – Придется отдавать, и очень скоро. Так что деньги не мои.

– А зачем ты их взял? – с трудом спросила Наташа. Глаза у нее погасли и остановились.

– Чтобы выручить Рэма.

– Ты с ума сошел?! Этого... Этого... – она едва справилась с собой. – Так, наверное, еще и под проценты взял?!

Андрей качнул головой:

– Нет, без процентов. Что ты так волнуешься?

– Да ты просто болван! – Она больше не делала попыток взять его под руку. – Не представляешь себе, сколько жутких историй творится вокруг таких займов! Я каждый день про это слышу – как кто-то деньги взял, а потом квартиры лишился! Ты дал расписку? Что там написано?

Ее волнение немного утешило Андрея. Все-таки кто-то за него переживает. И если Наташа переживает просто за то, чтобы потенциальный жених не лишился квартиры, то и тогда это приятно.

– И зачем ты повел меня в кафе... – продолжала она расстраиваться. – И эти духи – на фиг они мне?

– Я думал, ты только об этом и мечтаешь, – заметил он. Они уже подошли к метро. – Кафе, подарки, цветы... Вот цветы забыл купить.

Наташа чуть не плакала. Он и не ожидал, что девушка так расстроится. На миг он обругал себя дураком – как ни поверни, а она-то ни в чем не виновна. Виноваты Лена, Рэм и он сам, а больше никто. Кончилось тем, что он купил ей цветы в киоске возле метро и проводил до самого дома.

– Зайди ко мне, – впервые попросила она. – Познакомишься с мамой, с отцом.

– Сейчас? – замылся он. – Нет, я не готов. Давай в другой раз. Я куплю торт, постригусь, что ли... А то кто я? Босьяк со стоянки. И что это сегодня с тобой случилось?

Она прошептала, что ничего не случилось. Просто они два дня не виделись, и она скучала. Сказала, что очень жалеет о своих словах насчет Рэма. И вообще, о многом теперь жалеет.

– С ума сойти! – Андрей слушал ее и не узнавал. – Ты меня просто потрясла. А я-то чем тебя потряс? Тем, что деньги занял? Но их у меня не так уж много, не надо так впечатляться.

Он совсем ее не жалел. И удивлялся, сколько же она может терпеть. Он готов был высмеять ее фальшивый загар, ее претензии на элегантность, ее страстное желание казаться богаче, чем есть... И вдруг остыл. «За что я на нее набрасываюсь? – в который раз подумал парень. – Красиво жить не запретишь. Пусть старается, как может. Ничего страшного тут нет. Так почему я над ней издеваюсь?» Ответ пришел сам собой: «Потому, что не люблю ее и она мне не нужна».

– Когда ты позвонишь? – Она все не решалась войти в подъезд. Стояла, прижав к груди букет розовых пионов. В глазах – нечто странное – тоска, страх, ожидание.

– Не волнуйся так, – сказал он как можно мягче. – Позвоню на днях.

– На днях?

– Завтра, завтра, – он опять начинал раздражаться. Взглянул на часы и присвистнул: – Бог ты мой! Семь! Через пять часов мне на работу, а я не спал ни минуты. Все, пока.

Андрей повернулся и пошел к метро. Вслед ему донеслось запоздалое прощание:

– Я буду звонить тебе на пейджер!

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, побежал. Несколько дней назад такая встреча с девушкой произвела бы на него впечатление. По крайней мере, он стал бы прикидывать – влюблена она или нет? Сейчас ему было все равно. Осталось только одно чувство – сожаление, что так бездарно потрачено время. Выспаться ему снова не удалось – несколько раз будил пейджер. Каждый раз, просыпаясь от мелодии «Подмосковных вечеров», Андрей собирался выключить его. И каждый раз не решался это сделать. «Чего ради держать эту дрянь включенной? – спрашивал он себя. – Ради Лены? Нужна она мне... Ради Рэма, Наташи? Кого ради?»

Но знакомые ему как раз не звонили. Зато за этот вечер ему перезвонили обе клиентки, на которых возлагал надежды Рамиль. Одна из них не подписывалась и не оставляла ника-

ких координат. Связаться с ней было невозможно. Зато другая оказалась более настойчивой. Андрей читал ее послания и видел, что повторяется старая история – то же самое было с Леной. Клиентка переходила от раздражения к просьбам, от просьб к угрозам и наконец решительно потребовала встретиться на квартире у сыщика как можно скорее.

– Да что же – до сих пор неизвестно, что он умер?! – Андрей вылез из постели. Сон пошел насмарку, заснуть уже не удавалось. Его раздражали и чем-то пугали эти послания, адресованные мертвецу. Но для звонивших он был жив, и Андрей как будто был за это в ответе. Последним ударом стало очередное послание Виталия. Вздвонованный клиент уведомлял сыщика, что позвонить нужно немедленно. И Андрей не выдержал. Он уселся перед телефоном и набрал номер, который сообщил ему Виталий. Тот откликнулся сразу, назвав свою фамилию. Голос был напряженный и почти неузнаваемый:

– Слушаю, Пятков.

– Это Андрей, я от Олега, – напомнил о себе парень. – Он просил связаться с вами.

– А сам он где? – нервно перебил Пятков.

– Он пока что не вернулся. Работает где-то в области. – Андрей решил не отступать от старой легенды. Больше всего ему хотелось выяснить, как придется возвращать Пяткову деньги. Пока это было невозможно. Значит, нужно ждать и копить. Говорить клиенту, что дело затягивается. А когда сумма будет собрана, вернуть деньги и отобрать свою расписку. Другого выхода Андрей не видел.

– Что значит, работает?! – Пятков мгновенно вышел из себя, видно, нервы были на пределе. – А я не работаю?! А я денег не плачу?! Вы ему передайте, что так дело не пойдет! Вчера еще должен был отдать мне документы, а чем он занимается в Жуковском?!

– Я разве говорил, что он в Жуковском? – удивился Андрей.

– А где же?

Возникла пауза. Собеседники явно не поняли друг друга. Наконец Пятков заявил:

– А сами вы чем заняты? Без Олега не можете шагу ступить? Он же мне сказал, что все готово, черт возьми! Что документы уже у него! Их еще нет? Или он не решается передать?!

– Знаете, – Андрей наконец решился. – Я свяжусь с ним. Попробую еще раз. И перезвоню вам по этому номеру, договорились?

Пятков ответил кратким выразительным словом – вся вежливость с него вмиг слетела. И разговор оборвался. У Андрея вдруг пересохло во рту. «А если документы и вправду уже готовы? – подумал он. – И находятся на квартире у сыщика? Может так быть или нет? А может, там есть не только эти документы? Что-то еще? Значит, я могу честно рассчитаться с Пятковым... Если только найду то, что ему было нужно».

Он еще успел позвонить Рамилю и застал того дома. Ничего не объясняя, Андрей попросил его выйти на дежурство одному. Обещал, что подъедет позже. Рамиль опять ни слова не возразил. Но по его голосу было ясно, что он задумался – такое ли уж выгодное дельце ему подвернулось с этим займом?

...За прошедшие сутки в квартире сыщика как будто ничего не изменилось. Только тополиного пуха стало еще больше. Андрей уже не боялся оставить тут свои отпечатки – их было предостаточно. Он искал бумаги везде, где только мог – в кухонных шкафах, в мусорном ведре, на антресолях. Сразу было видно, что в квартире никто постоянно не жил. Тут совсем не было продуктов – даже заварки не нашлось. Не было и бумаг, за исключением нескольких прошлогодних газет. Закончив обыск, Андрей обессиленно упал на диван. Возможно, на этом же месте недавно лежал труп, но теперь ему было все равно. За прошедшие сутки он спал всего пару часов. А накануне – немногим больше. Временами он вообще переставал что-либо соображать, и все подергивалось туманом. Он лежал и все время помнил, что надо ехать на работу, что необходимо перезвонить Виталию Пяткову и выяснить, на каких условиях придется возвра-

щать деньги. Потом он уже ни о чем не вспоминал. Диван как будто покачнулся под ним, и действительность исчезла.

Он провалился в сон всего на полчаса, а ему показалось, что уже наступило утро. Андрей с трудом разлепил веки и взглянул на часы.

– Господи, ну и дурак! – Он встал и покачнулся, – ноги плохо повиновались, голову будто ватой набили. – Как можно тут дрыхнуть...

Он в последний раз оглядел квартиру. Обыскивать было уже нечего. Андрей перевел взгляд на диван...

Такой диван стоял в комнате его отца. Старый советский диван-кровать с грубой зеленой обивкой. Предполагалось, что диван-кровать имеет внизу отсек для постельного белья и подушек. Но ни одна подушка туда не влезала, и отец засовывал в деревянный ящик вместо постели старые журналы – «Огонек», «Работницу», «За рулем». Из-за накопившейся периодики диван стал тяжеленным, и его с трудом можно было сдвинуть с места.

Андрей приподнял одну половинку дивана и заглянул вовнутрь. Опустился на колени, все еще придерживая увесистую конструкцию. Зафиксировать ее как-то иначе было невозможно, и парень выгребал бумаги из ящика одной рукой. Наконец все содержимое оказалось на полу. Диван с грохотом закрылся.

– Вот это архив, я понимаю, – пробормотал он, ползая на коленях и собирая с пола вороха бумаг. Некоторые бумаги были уложены в картонные папки и завязаны тесемками. Другие валялись, как попало. Если в этом архиве и была какая-то система, то Андрей ее не уловил. Но сейчас ему было не до системы. Он собрал бумаги в толстую стопку. Она весила килограммов шесть. Рассматривать было недосуг, но он все же обратил внимание на то, что некоторые бумаги испачканы чем-то коричневым, вроде какао. И только, упаковав их в старую газету, он понял, что это были за пятна. Напоследок Андрей еще раз поднял диван. На обратной стороне сиденья виднелись темные пятна. Андрей провел по ним рукой – пальцы остались сухими. Теперь он верил Лене все больше.

– Похоже, сыщик умер на своем архиве, – пробормотал он. – Тогда и мне стоит смыться.

Для очистки совести Андрей выглянул на балкон – это было единственное место, которое не обыскивалось. Собственно, искать тут было негде – балкон оказался пуст, просто поразительно пуст. На нем не было никакого старого хлама, банок с заготовками, санок и лыж. Не было даже бельевых веревок. Зато здесь лежал камень.

Андрей с удивлением осмотрел эту бетонную глыбу – то ли фрагмент перекрытия, то ли кусок бордюра. Глыба была сантиметров шестьдесят в длину, тридцать в ширину и тридцать в высоту. Такую вещь в городской квартире парень видел впервые. Он смотрел и никак не мог сообразить, зачем эта штука понадобилась хозяину. А может, Олегу? Пощупал глыбу и убедился, что это обыкновенный бетон, с торчащими прутьями арматуры. «Я все делаю по-идиотски! – ругнулся про себя парень. – В комнате горит свет, а я выставился на балконе, всем на радость!» Он вернулся в квартиру, подхватил пакет с документами и ушел, тщательно захлопнув дверь.

Андрей с самого начала не хотел рассказывать Рамилю, где он побывал и с какой целью. А увидев друга, еще больше укрепился в этой мысли – все новости де ржать при себе. Рамиль встретил его с нездоровым оживлением:

– Не передумал насчет дамочек? А то, давай, я все сделаю сам!

– Рэм, я это больше не обсуждаю, – отрезал Андрей. Он прошелся по стоянке, просмотрел регистрационный журнал, налил кофе. Началась обычная рабочая ночь. С той разницей, что сегодня Рамиля было просто не узнать. Он фальшиво посвистывал, без конца входил и выходил, всячески мельтешил перед глазами. Андрей упорно молчал, глядя в газету.

– Что ты там вычитаешь? – наконец не вытерпел Рамиль. – Давай обсудим наши дела.

– Давай, – Андрей не поднял на него глаз. – Вообще-то я уже все понял. Ты решил ограбить всех клиентов Олега.

– Не заводись, – посоветовал тот. – Кто тебе этот Олег? Друг, родственник? Ты его даже не знал. А клиенты у него еще остались. И многие хотят с ним расплатиться.

– Рэм, тебе мало того, что ты уже получил? – Андрей не выдержал и сложил газету. – Три тысячи баксов – хороший кусок. Тем более что без отдачи. Ведь ты не отдашь этих денег. Тебе их негде взять. Расписку давал я, и расплачиваться придется мне.

– Надо найти тех баб, которые ему звонили, – Рамиль, казалось, ничего не слышал. – С бабами всегда легче договориться. Они с тебя расписок не получают. В конце концов, я сам могу их обработать.

Он говорил еще долго. Андрей услышал, что если выпало счастье, то надо им пользоваться до конца. Что, сидя на стоянке, они никогда не заработают даже половины того, что теперь можно получить за один час. Что можно дать фальшивые расписки, если уж это будет необходимо.

– Замолчи! – Андрей не мог больше этого слушать. – Когда я тебя устроил на эту работу, ты был счастлив! Теперь тебе захотелось сменить занятие? Решил, что окажешься умнее всех! Если мы займемся этим, то загремим в тюрьму! Или получим пулю от кого-то из клиентов! Ты кем себя вообразил?! Олег умер, умер! Я был там сегодня и видел кровь! Может, он был умнее тебя, а его все-таки грохнули!

Дверь домика знакомо скрипнула – ребята никак не могли собраться и смазать петли. Из темноты возникли обесцвеченные локоны и грубо раскрашенное лицо. Глупая улыбка, размазанная алая помада...

– Пошла вон! – заорал Андрей. – Тебя тут не хватало, сучка! Иди, умойся!

Но Светка продолжала просовываться в щель. Она цеплялась за дверной косяк, оседая все ниже, и все так же глупо улыбалась. Наконец ее пальцы разжались, и девушка упала. Ее голова оказалась на полу, а ноги на лестнице. Такой пьяной Андрей никогда ее не видел. Он трясся от ярости – его разозлил Рамиль, а пьяных он вообще терпеть не мог.

– Вставай, зараза! – Он подскочил к девушке и попытался ее поднять. – Убирайся отсюда, вонючка уличная!

Рамиль первым почуял неладное. Он подошел и тоже взял Светку за плечо. Потом отпустил.

– Смотри, – шепнул он, указывая на пол. Там расплывалось небольшое озерцо крови. Теперь и Андрей увидел, что у Светки на лице была вовсе не помада. Ребята втащили девушку в домик и перевернули ее на спину. Она лежала на спине, и ее цыплячья грудь прерывисто, неровно поднималась и опускалась. Глаза были закрыты, лицо и шея измазаны кровью.

– Вон, вон... – Палец Рамиля потянулся к горлу девушки. Там виднелся небольшое кривой разрез. Оттуда толчками поступала кровь – все более темная и густая.

– Нужно вызвать «скорую»... – у Андрея перехватило дыхание. – И перевязать ее... Рэм!

Он кинул другу два широких бинта из аптечки и бросился к телефону. Рамиль неумело наложил повязку. Света не открывала глаз, и было неясно – в сознании она или нет. Только когда ее увозили, девушка попыталась что-то сказать. Она пришла в себя и лихорадочно оглядывалась по сторонам, будто пыталась что-то найти. Потом сипло вымолвила какое-то слово. Но что она имела в виду, никто так и не понял.

ГЛАВА 5

– Я сидела дома, с ребенком, и никуда не выходила!

Носовой платок в ее руках давно превратился в мокрые лохмотья. Лена в последний раз перекрутила его и сжала в кулаке. Она сидела в кабинете у следователя уже двадцать минут. И говорила практически одно и то же – нигде в то проклятое утро не была, никого не видела, с ней был только ребенок.

– Я все понимаю, Анна Григорьевна. Я понимаю, что это надо доказать, – Лена неуверенно взглянула на следователя. – Но свидетелей у меня нет. Откуда их взять, если я была дома одна? Спросите ребенка. Или этого мало?

Следователем оказалась женщина. И эта женщина сразу вызвала у Лены антипатию. Типичная старая дева – сухощавая, пожелтевшая от спертого воздуха и курения, совершенно бесцветная. Прилизанные сухие волосы, уродливые огромные очки. И, как показалось Лене, на ее ненакрашенных губах время от времени всплывала издевательская улыбка.

– С Гамбарян вы были знакомы? – спросила та. И занялась какой-то писаниной.

– Гамбарян? Кто это такой – Гамбарян? – с трудом ответила Лена.

– Не кто такой, а кто такая. Мария Андрониковна Гамбарян. Та женщина, от которой вчера утром ушел ваш муж.

– Мой муж ушел от меня, – Лена попыталась взять себя в руки и даже пошутить. – И как раз к какой-то Маше. Может, это она?

– Это ваш муж назвал вам ее имя? – поинтересовалась следователь.

– Да.

– Давно они были знакомы?

– Месяца два или чуть меньше. Я не помню... – Лена жалко улыбнулась. – Он давно уже сказал, что уйдет от меня. Как только с ней познакомился. Она его просто околдовала.

– Я говорила с вашей матерью. – Женщина рассматривала Лену с нескрываемым интересом. – Она рассказала, что ваш муж, Анатолий Датнов, представил Гамбарян как свою невесту. Это верно?

– Верно. Я сама была при этой... Помолвке, что ли? Не знаю, как назвать, ведь мы еще не развелись. Все это настолько безобразно!

– Его заявление о разводе лежит в вашем народном суде, по месту жительства. Вы знали, что муж подал это заявление?

– Да, он меня известил... – Лена выпрямилась. – И я решила дать согласие на развод.

Анна Григорьевна (Лена надеялась, что верно запомнила ее имя-отчество) снова углубилась в какие-то бумаги. Некоторое время она молчала, потом, не поднимая головы, сказала:

– На этот вопрос можете не отвечать, если не хотите. Ваша мать утверждает, что вы угрожали мужу, если он разведется. Гамбарян говорит то же самое. Вы действительно угрожали?

– Ну, знаете... – Лена уронила на пол то, что осталось от носового платка. – Любая женщина, от которой уходит муж, сперва... Не может смириться. Может, я что-то и сказала. Но это сделала не я. Что вам наговорила эта Гамбарян? Может, это она убила Толю?

Лена и сама понимала, что говорит глупости. К чему этой девушке было убивать своего жениха? Мужчину, которого она с таким трудом отбила у законной жены? У Лены дрожали колени, и она благодарил бога за то, что сидит. Если бы пришлось стоять, ноги бы ее не удержали. По спине медленно, противно пробиралась струйка пота. За окном набирало силу душное московское пекло. «Будто в аду... – подумала Лена, не решаясь пошевелиться на стуле. – И голова не работает, когда так надо думать... Где же мой пистолет? Если бы хоть это знать!»

– Еще вопрос, – теперь следователь не сводила с нее глаз, вернее, очков. – И ваша мать, и Гамбарян упоминали какого-то сыщика.

– Простите? – Лена подалась вперед. «Вот оно! – стукнуло у нее в висках. – Как быть? Что говорить? Труп, открытка, пистолет. Пистолет хуже всего... Меня могли видеть... Нет!»

– Некий частный сыщик, без лицензии, кажется, – Анна Григорьевна мерно стучала по бумагам кончиком карандаша. – Гамбарян утверждает, что он следил за нею и Анатолием Датновым больше месяца.

– Какая-то чепуха, – выдавила Лена. – О чем это она? Я не понимаю.

– Ваша мать говорит, что Анатолий Датнов ей жаловался на преследования этого же сыщика.

– А я никакого сыщика не нанимала и не знаю! – голос сорвался на хрип. Струйка пота защекотала поясницу. Лена откинулась на спинку стула, чтобы быть хоть немного подальше от этой женщины. Она чувствовала к ней уже личную ненависть.

– Значит, вы отрицаете, что нанимали сыщика для слежки за мужем? – уточнила та.

– Да, отрицаю. Пусть не приписывают мне чужие грехи... Пусть лучше ищут, кто убил Толю! Мне даже не говорят, как все было! Родители сидят с этой Машей, утешают ее, а мне – мне никто ничего не говорит.

– Разве? – Анна Григорьевна как будто удивилась. – Тогда я просто обязана вам кое-что рассказать. Одиннадцатого июня, то есть вчера, в восемь тридцать утра ваш муж, Анатолий Датнов вышел из квартиры Гамбарян. Он спустился по лестнице, и в это время в него дважды выстрелили. Он умер на месте, не приходя в сознание. Преступник скрылся. Вы ничего этого не знали? Что вас еще интересует?

– Какой садизм!

– Кого вы имеете в виду? – насторожилась следователь.

– Тех, кто это сделал, – пробормотала Лена, хотя думала о другом. Ее бесило то, что эта женщина напротив – немолодая, некрасивая и, наверное, не слишком умная, имеет над нею такую власть. Она может издеваться, говорить гадости, требовать откровенности... И знать, что сопротивления не будет.

– Еще вопрос! – Кончик карандаша закачался в воздухе. – Странная история у вас в семье с фамилиями. Вы не находите? Я-то этим еще специально не занималась, а надо бы. Может, сами объясните? Ваша мать – Алексеева. Отец – Датнов. Вы сама – Алексеева. Ваш муж – Датнов. Какие-то сложные родственные отношения? Или просто совпадение?

Лена молча покачала головой. Следователь ждала. Она смотрела на свою жертву без тени неодобрения. В ее глазах застыло обыкновенное женское любопытство. Лена собрала последние силы:

– Я ничего больше не могу объяснять. Не могу, нет сил. Вчера убили мужа. Я даже ребенку пока не сказала – не решаюсь. Дайте мне время прийти в себя.

– Значит, вы отказываетесь разговаривать дальше?

– Я прошу прекратить допрос.

– Это не допрос, – Анна Григорьевна положила карандаш. – Это дача свидетельских показаний. И зачем вы так напрягаетесь? Сами себе вредите. Давайте пропуск, я отмечу.

Только оказавшись на улице, Лена перевела дух. Порылась в сумочке, достала флакончик духов, побрызгала ими виски и шею, чтобы прогнать кислый табачный запах, которым была пропитана комната следовательши. Ей стало легче. «Когда все кончится, я, наверное, буду счастлива, – подумала вдруг Лена. – Я уже сейчас никого не ревную. Ведь он умер, а мертвых незачем ревновать. Будем жить с Димкой вдвоем. А там – время покажет». Вспомнив о сыне, она сразу подумала о деньгах. «С чем я осталась? Квартира, конечно, теперь моя. Счет в банке? Мой, мой и Димкин. А Толина машина? Тоже моя, ведь я наследница, я его жена! Никто нас еще не развел, не успели, и делить нечего!» Она почувствовала, что начинает улыбаться, и сама испугалась этой улыбки. Значит, она радуется смерти мужа? Способна радоваться тому, что сейчас он лежит где-то в морге, с распоротым и зашитым животом, с изуродованным черепом?

Женщина отыскала на стоянке свою машину и уселась за руль. Она почти пришла в себя, но во всем теле была какая-то нервная слабость. И виноват в этом был не муж. Скорее, следовательно. С ребенком сидела Надя, торопиться было некуда. Лена решила съездить к мужу на работу. Как-никак, а глава фирмы погиб. Что же там теперь делается?

Но там все было, как обычно. Лена нажала кнопку видеофона, назвалась, и ее впустили. Когда-то она тут работала – вела бухгалтерию. Но потом фирма пошла в гору, а Лена, напротив, прекратила деятельность – пришлось сидеть с ребенком. И теперь ее почти никто не узнал. Только компаньон мужа – Сережа Шимелевич – был ей рад. Он как раз вышел из кабинета и остановился у стола секретарши, передавая ей какие-то бумаги. Тут он и увидел Лену.

– Леночка... – Он осторожно взял ее за плечи и несколько раз поцеловал в обе щеки. – Как ты?

– Неважно, Сережа. – Она поправила челку и постаралась улыбнуться. – Была сейчас у следователя. А вы работаете?

– А что делать? – вопросом на вопрос ответил тот. Попросил секретаршу сделать кофе и повел Лену в кабинет.

Тут стояло два стола. Один принадлежал Толе. На этом столе теперь совсем не было бумаг. Сергей как-то виновато хмыкнул и постарался усадить Лену спиной к этому пустому столу. Пока секретарша не принесла кофе, оба молчали. Но как только за девушкой закрылась дверь, Сергей быстро заговорил:

– Меня тоже допрашивали, и всех нас допрашивали. Опечатали его стол, представь. А там куча нужных документов.

– Это мешает работать, верно? – Лена едва успела его прервать. – А я как раз о работе и хотела поговорить.

Он выразил готовность выслушать вдову компаньона. При этом Сергей старался не смотреть ей в глаза. А его собственные глазки – маленькие и бесцветные – так и бегали. И как всегда, от него разило дорогим терпким одеколоном. Лена всегда недолюбливала Сергея. Он казался ей слишком напористым, слишком громогласным и очень скучным. Но деловые качества у него были в избытке, что да, то да.

– Мне вот что интересно, – сказала она. – Толя ведь вложил в эту фирму большие деньги. Собственные деньги. Как с ними теперь быть?

Тот пожал плечами:

– Когда это было, Лена? С тех пор столько лет прошло. Мы теперь очень выросли, а те деньги... Капля в море.

– И все же? – упорно продолжала она. – Я ведь работала тут и помню, как это было. Нам с мужем нужна была квартира побольше. И мы уже собрали деньги, чтобы разменять нашу хатку. Но Толя даже прикоснуться к этим деньгам не разрешил и все вложил в дело. Тогда мы не смогли выбить кредит в банке, и все сотрудники дали свои собственные деньги, кто сколько мог.

– Ну да, – подтвердил Сергей. – А я продал машину и дачу, заложил свою квартиру. К чему ты ведешь этот разговор?

– К деньгам, Сережа. Я теперь осталась одна, у меня ребенок. А кроме квартиры да двух машин, ничего нет.

Про счет в банке она умолчала. Но Сергея ничуть не растрогали ее жалобы на бедность. Он заговорил еще быстрее – слова вылетали, как пули из пулемета. Через несколько минут ей стало ясно – он совсем не готов вернуть ей деньги, вложенные когда-то мужем.

– Значит, ты считаешь, что я не права? – Лена встала. – Неужели мне придется отбирать эти деньги по суду?

– Что вы за народ, женщины! – Он тоже встал. – Чуть что – сразу вспоминаете про суд. А кто мне вернет дачу и машину?

– Ты уже купил пять машин и три дачи!

– Давай, давай! – он уже явно издевался. – Как приятно считать чужое имущество! Только все это твои фантазии, Лена. Ты погоди, успокойся. Это у тебя просто психоз после Толиной смерти. А потом сама поймешь, что ему тут ничего уже не принадлежит. Все, что есть, – это имущество фирмы.

– А фирма разве не его? – У Лены возмущенно зазвенел голос. – Я схожу к юристу и узнаю, будь спокоен!

– Иди к юристу, если тебе денег не жалко. Можешь даже в суд подать. – У Сергея перестали бегать глаза – знак того, что он полностью в себе уверен. – Только в каких это документах зафиксировано, что Толя давал свои деньги?

– Я помню, была расписка!

– И у какого же нотариуса ее заверяли? В каком банке? И вообще, где она?

Лена умолкла. Она пыталась вспомнить... Это было так давно... Но ведь расписка прошла через ее руки, она должна быть где-то в архиве, среди других денежных документов... А был ли при составлении расписки нотариус? Теперь она вспомнила. Не было. В то время казалось глупым привлекать к делу государственного чиновника. Многие вопросы решались семейным путем – а тут все работали, как одна семья...

– Понимаю... – сказала она наконец. – Ты ее уничтожил. Какие мы были дураки!

Сергей молчал. Он пил остывший кофе и поглядывал на часы. Лена встала:

– Ладно, попробую по-другому. По-хорошему с тобой не вышло, будем по-плохому.

– Не сходи с ума, – посоветовал он и принялся рассматривать кофейную гущу на дне чашки. – Сперва реши свои проблемы.

– На что ты намекаешь?

– Да хотя бы на Толю. Вот кончится следствие, останешься на свободе – тогда и поговорим.

У нее перехватило дыхание. И этот гнусный тип туда же! А Сергей уже поднял телефонную трубку и попросил секретаршу проводить Лену.

– Ты на своей машине, или тебя отвезти? – любезно спросил он.

На пороге уже стояла секретарша. Она сдержанно улыбалась. По ее лицу были видно, что девушка не знает, как отнестись к визитерше – важная это персона или нет?

– Мерзавец... – прошипела Лена, поворачиваясь на каблучках. С трудом удержала равновесие, покачнувшись, но устояла. Голова слегка кружилась, и в этом была виновата не жара. В офисе было прохладно – работали кондиционеры. – Значит, вы все тут решили, что я убила мужа?

– Лена, Лена... – Сергей ненавязчиво подталкивал ее к дверям. – Поговорим потом. У меня много работы. Звони. Пока!

И она опомниться не успела, как оказалась за дверью. И уже возле стойки охраны она кое-что вспомнила. Уцепилась за это воспоминание – за последнюю возможность что-то сохранить. Попросила разрешения позвонить наверх. Потребовала соединить ее с Сергеем. Услышала его голос и напористо спросила:

– А кто теперь директор фирмы? Ты?

– О, черт! – крикнул тот. – Опять за свое?! Тебя, что – с милицией отсюда выкидывать?! Иди, пропись!

И бросил трубку. Но она не стала ему перезванивать.

Теперь она была уверена – директором преуспевающей фирмы стал Шимелевич Сергей. «Черт бы его взял! – Она быстро шла к своей машине, стараясь держаться как можно прямее. Ей казалось, что из окон офиса на нее смотрят. – Скорее всего, с деньгами ничего не выйдет. Насчет юриста я, конечно, загнула. Судиться с Сергеем? С чем же я останусь, ведь наверняка дело будет проиграно... Никаких документов нет, а Толя мертв. Он один мог бы потребовать

свои деньги обратно. Если бы знать заранее, что так выйдет – я бы плюнула на эту девку и занялась делами, взяла бы все под контроль...» Она уселась за руль и поехала в банк. После разговора с Сергеем женщина чувствовала какой-то боевой настрой. Не получилось в одном месте – получится в другом. Она должна бороться – ведь дома сидит ребенок, который больше никому, кроме нее, не нужен...

А через час она снова сидела в своей машине, но от боевого настроения не осталось и следа. На сиденье рядом лежала пластиковая карточка и компьютерная распечатка – все это ей дали в банке. Карточкой она больше не могла воспользоваться – Толя забрал из банка неснижаемый остаток, который делал карточку работоспособной. А на распечатке значились совсем неутешительные цифры. За последний месяц муж навещался в банк несколько раз. Раз за разом он снимал с общего счета значительные суммы. В общей сложности он снял больше двенадцати тысяч долларов. Осталась какая-то мелочь, долларов пятьдесят. Эта цифра больно ее ужалила – очень было похоже на издевку. Рублевый счет также был уничтожен без следа. Деньги ухнули в бездонную дыру, неизвестно куда. Их общие деньги, деньги их ребенка. Лена никак не могла этого осмыслить. Она сидела, бессмысленно глядя на улицу, на машины, на прохожих, и ей все еще казалось, что надо куда-то ехать, что-то делать, что-то выяснять. Хотя все уже было ясно.

– Господи... – вслух шепнула она. – Но этому же названия нет. Как он мог делать это тайком?! Деньги были общие, мы вместе решали, сколько снять со счета, сколько положить...

Только теперь она начинала понимать, в какой изоляции очутилась. Единственный человек, с которым она была откровенна, теперь мертв. И перед смертью он ее возненавидел. Мать жила, будто на другой планете. И как появиться перед ней? О чем говорить? И нужен ли этот разговор? Лена тряхнула челкой – нет, туда она не пойдет. Мать и папа Юра теперь оплакивают сына, утешают Машу. Ей они даже не позвонили. И кто же остается? Ни одной подруги, ни одного друга – она старалась ни с кем близко не сходиться, чтобы кто-нибудь не догадался о ее семейной тайне. «А стоило ли так жить?» – Она все еще смотрела на прохожих. Все люди на свете стали для нее прохожими – пройдут мимо, никто не обернется. – «Даже на Машу наша «страшная тайна» не произвела впечатления. Даже Андрею я решилась рассказать, и что? Он мимо ушей пропустил. Если бы я никого не боялась, у меня теперь были бы друзья. Хоть кто-то помнил бы обо мне...»

Но кто-то один о ней, действительно, помнил. Лена только что заметила эту бумажку и теперь не сводила с нее глаз. Плотная цветастая бумажка, заткнутая за «дворник» машины. Все, как в первый раз. Во рту стало горько. Она с трудом выбралась на улицу, вытащила открытку. Да, это снова была открытка. Но на этот раз без Деда Мороза. Это было фотографическая открытка, каких много выпускалось в советские времена. Бумага даже слегка пожелтела от старости. На фотографии был изображен березовый лес на берегу реки. В реке отражался летний закат. Лена перевернула открытку и прочла короткую фразу: «Олега застрелили из «Макарова». А где твой?»

Буквы были квадратные, разной величины. При их написании явно пользовались линейкой – для простых печатных букв они были слишком ровно выписаны. Теперь она начинала понимать... То, что казалось мистикой, превращалось в обыкновенный шантаж. «Где мой пистолет? – Она скомкала открытку, но тут же ее разгладила и положила в карман. – Кого это интересует? Кто знал о пистолете?»

Доехав до ближайшего кафе, она выпила коньяка и снова перечитала открытку. Жара становилась нестерпимой. Она сидела в пустом душном помещении кафе, а все остальные посетители расположились на улице, за легкими пластиковыми столиками. Но ей нужно было одиночество – и никаких чужих глаз. Она пыталась что-то понять, сопоставить. «Было уже три открытки, – вспоминала она. – Первая пропала. Она была написана от руки, не под линейку. Подписался Олег. Но его ли это почерк и подпись? Этого я уже не узнаю. Он говорил, что есть

новости, просил меня приехать. Я приехала и нашла его труп. Так кто же послал открытку? И зачем?»

Этот вопрос она решить не смогла. Отпила крохотный глоток коньяка, и язык сразу одеревенел. Блузка прилипла к спине, дым сигареты никуда не улетал, а застаивался перед глазами. Она разогнала дым рукой и продолжала вспоминать. «Вторую открытку сжег Андрей. Теперь бы я не разрешила это сделать, но тогда мне было все равно. Там ничего не было написано. Только наклеена фотография трупа. Кто прислал эту дрянь? Точно не Олег. Значит, и первая открытка не от него? Значит, так! Ловушка!»

Она допила коньяк и раздавила в пепельнице сигарету. Барменша запустила на полную громкость какую-то русскую попсу. Лена старалась не вслушиваться в слова. «Что значила вторая открытка? Мне напоминали о трупе? Намекали на что-то? На что? А вот и третья... – Она положила на стол измятую открытку с березовой рошей. – Тут уже точно напоминают об Олеге. О пистолете. И знают, что мой «Макаров» пропал. Одно к одному, все открытки послал один и тот же человек. Кто и зачем?»

Она взяла еще коньяка. На инспекторов ГАИ ей теперь было наплевать. Это было самое меньшее зло на свете. «Что будет в следующей открытке? Потребуют денег? Скорее всего, потребуют. А у меня ничего нет. И я не дам! – Она залпом проглотила коньяк, ее передернуло. – У Димки ничего не останется, если я свяжусь с шантажистом. Но кто узнал о моем пистолете? О том, что я нанимала Олега? Что я видела его труп? Кто-то следил за мной? Рылся в моих вещах? Кто может столько знать обо мне?!»

Она смотрела на белую стену. На стене покачивались искусственные ветки какого-то пластикового растения. Лена думала о муже, и от этих мыслей хотелось плакать. «Он-то знал, что я наняла сыщика. А о пистолете знал? Мог рыться в моих вещах, мог найти... И не сказал мне ничего? Может, боялся меня? Может, я сама все испортила, испугала его? Мы еще могли помириться, он бы образумился. А если нашел пистолет – мог решить, что я с ума сошла от ревности. Боже, боже, но ведь и Толя умер! Как же он мог взять мой пистолет? И кто послал эту открытку?»

Временами ей начинало казаться, что она и в самом деле сходит с ума. В сотый раз Лена заглянула в сумку.

Пистолета там не было. Она пыталась вспомнить, когда видела оружие в последний раз. Она все время носила пистолет с собой – так ей было спокойней. Она не чувствовала себя такой оскорбленной и беззащитной. Смешно вспоминать, но тогда она и в самом деле хотела убить мужа. Так просто – выстрелить в него, и все закончится. Больше не будет ни ревности, ни измен, ни страха, что он кому-то что-то расскажет. Никаких тайн – полная откровенность. Следователь, судья, врач, надзиратель. Изолятор, психлечебница, зона, какая-то другая жизнь вместо этой. А эта жизнь ей опостылела. Лена усмехнулась, поставила лицо под горячие струи воздуха, прорывавшиеся в открытую дверь. «Я уже в аду, солнце так печет, будто за грехи поджаривают. Но я жива и на свободе. А он погиб. Его убили... Как сказала эта пошлая Анна Григорьевна? Застрелен. Олег тоже застрелен, из «Макарова». А собственно, почему я верю этой открытке? Кто сказал, что из «Макарова»? Что, труп Олега нашли? Трупа нет. И какого черта все продолжается, когда должно закончиться...»

Она купила минеральной воды, украдкой смочила ею носовой платок, протерла виски и лоб. Стало легче.

«Последний раз я видела пистолет, когда поехала к маме. У меня в сумке был «Макаров» – это я помню, потому что хотела выстрелить в Толю. Я просто мечтала об этом. А если бы повезло – то и Маша получила бы пулю. Пустые мечты! Такая дура, как я, никого не может застрелить. Ее могут, это да!» Она успела напиться, и постепенно в ней просыпалось особое, пьяное чувство юмора. Страха больше не было. В юности она привыкла глушить страх алкоголем – старое средство действовало и теперь. «Пистолет был у меня в сумочке, но я не достала

его. Я убежала оттуда. Что было дальше? Прошли сутки, и Толю убили. В тот миг рядом был Андрей. Мне позвонили и сказали, что мой муж мертв. Пистолета в сумке не оказалось. Его нигде не оказалось. А Андрей? Он ушел, он испугался. Каждый бы испугался. Он все время требовал, чтобы я избавилась от пистолета. Какое его собачье дело?!» Она с наслаждением напилась минеральной воды. Поймала на себе сочувственный взгляд барменши. Та обмахивалась несвежим полотенцем и подпевала хриплой певице, делая звук все громче и громче.

– Жуть какая, и вентилятор не пашет! – крикнула барменша, перекрывая песню. – Как в Африке! Может, пойдете на улицу?

Лена покачала головой и отвернулась. Она хотела попросить, чтобы барменша выключила магнитофон, но не решилась. Она продолжала думать.

«За сутки пистолет пропал. Он был у меня дома, в этой сумке. Я его больше никуда не брала. Или брала? Может, Димка взял? Принял за игрушку?» Она дернулась было – ехать домой, допрашивать ребенка. Но тут же поняла, что это глупо. Димка под присмотром Нади, а та свое дело знает. Увидит пистолет – так отберет. И вообще, Димка не лазит по сумкам, он не так воспитан. «Ну, так куда же мог деться пистолет?! – Она пыталась восстановить тот день по минутам. Получалось плохо. Ведь именно тогда она ничего не соображала, была оглушена болью – Толя ушел навсегда. – У меня дома был только Андрей. Я сама его пригласила. Он провел у меня почти всю ночь, и тогда тоже говорил, чтобы я избавилась от оружия. Уж слишком часто он говорил об этом... Запомнил, как я выронила пистолет в нашу первую встречу. На него это произвело впечатление. Так значит, Андрей? Взял так, что я не заметила?»

Сперва она сказала себе, что эта догадка – полная чепуха. Как будто Андрею больше нечем заняться – только посылать эти дурацкие открытки. Потом Лена призадумалась. В сущности, она ничего не знала об этом парне. Каким-то образом у него оказался пейджер Олега. Андрей утверждал, что пейджер был выброшен в мусорную урну. Но это было не очень правдоподобно. Куда больше похоже на правду другое – Андрей украл пейджер у сыщика. У живого или у мертвого?

Лена встала и обратилась к барменше:

– От вас можно позвонить?

Та провела ее в крохотный кабинетик за стойкой бара. Там, среди папок с накладными и ящиков с пустыми пивными бутылками, Лена нашла телефон. Она послала Андрею сообщение: «Нужно встретиться, есть вопросы. Подпись: Алексеева Лена». Немного подумав, она послала второе сообщение для Андрея. Лена дала номер своего домашнего телефона и просила срочно позвонить. В конце концов, скрываться было нелепо. Ведь парень уже побывал в гостях и знал ее домашний адрес.

Женщина поехала домой. Помогла Наде закончить приготовление обеда. Позанималась с ребенком английским языком для начинающих. Эти простые домашние дела ее немного отвлекали, и становилось легче. В соседней комнате тихонько гудел пылесос – Надя наводила чистоту перед уходом. Потом она заглянула в детскую комнату:

– Вас к телефону. Подойдете?

Лена встрепелась и выбежала в коридор. «Быть может, Андрей...» – мелькнуло у нее в голове. Но звонила мать. Лена так давно не слышала ее голоса по телефону, что сразу даже не узнала.

– У меня к тебе просьба, – как-то замороженно произнесла мать.

Лена не ответила. Она слушала этот далекий голос и понемногу начинала догадываться, о чем ее могут попросить.

– Похороны будут в субботу. – Мать говорила с трудом. – Надо кое-что решить.

– Ты хочешь, чтобы я не приходила? – перебила ее Лена. – Я все равно там буду. Я его жена, никто нас пока не развел. Нравится это тебе или нет – я все равно осталась его женой. Мертвых не разводят.

– Помолчи! – Мать изо всех сил держалась, но голос время от времени срывался от волнения. – Никто не запрещает тебе прийти на похороны. Можешь взять и ребенка, если тебе его не жаль. Я не об этом.

– А о чем?

– Маша тоже будет.

– Так-так! – Лену разбирал истерический смех. – Чем больше родственников, тем больше чести покойнику! И на каких же правах будет Маша? На правах невесты? При живой жене?

– Я хотела попросить, чтобы ты не устраивала сцен, – отчеканила мать. – Если попробуешь что-то отколоть – тебя просто выведут. Все расходы Юра взял на себя, так что об этом не думай. Хочешь проводить Толю – приезжай завтра к моргу в восемь утра.

И она продиктовала адрес. Лена не записывала. Она слушала этот голос – совсем чужой, неузнаваемый. И чувствовала ужас. Так говорит с нею мать. Тогда чего ждать от посторонних? Лена первая положила трубку. Она не могла больше этого вынести.

– Надя! – окликнула она няньку. – Ты вчера убирала квартиру?

– Ну да, – девушка вышла в коридор с пылесосом. – Сами знаете.

– Ты ничего не находила? – Лена напряженно вглядывалась в ее лицо. Нечего и думать, чтобы прямо спросить о пистолете. Нянька не воспримет это даже в качестве шутки. В последние дни Надя стала необыкновенно дерзкой. Может, потому, что Толя в этом доме больше не появлялся. Его она уважала, зато хозяйку терпеть не могла.

Девушка с грохотом опустила пылесос на пол:

– А что, у вас что-то пропало? Давайте уж напрямик говорите.

– Нет, ничего не пропало, – с досадой ответила Лена. – Я же тебя спрашиваю о другом! Может, наоборот, ты нашла что-то лишнее, не наше?

Надя раздраженно сняла фартук и бросила его под вешалку:

– Ничего я не находила! Что вы придираетесь?

– Надя!

Но та завелась. Зашнуровывала ботинки и сквозь зубы говорила:

– Делать вам нечего, только придирается! Я до вас в трех местах убиралась, и никто так не придирался! Спросите у прежних хозяев – у них хоть иголка пропала? Вожусь с вашим сыном, обед готовлю, по магазинам бегаю – может, у меня слишком много времени? Может, вы мне переплачиваете? Хотите уволить – так и говорите. Мне в агентстве найдут другое место. Только дайте рекомендацию.

– Надя! – Лена пыталась переломить себя и говорить вежливо. Девица ее раздражала, а она раздражала девицу. Так было буквально со всеми домработницами, которых она нанимала. А их было много, ни одна надолго не задерживалась. – Надя, никто к вам не придирается! Ничего у меня не пропало! А если хотите уволиться – тоже можете сказать прямо! Но вы бы сами подумали – у меня сейчас такое трудное время. Без вас не обойтись. Муж умер, я совсем одна.

Надя слегка смягчилась. Лена уже успела изучить свою самолюбивую няньку. Время от времени девушке казалось, что ее унижают, относятся как к низшему существу. Тогда она начинала грубить и капризничать. И, только убедившись в своей власти над хозяйкой, она немного приходила в себя. Так было всегда, так было и теперь.

– И все равно я не могу сидеть у вас с утра до ночи, – строптиво сказала Надя.

– У вас, кажется, каникулы в институте?

– Не каникулы, а сессия! И завтра утром экзамен.

Это решало все. Утром Надя не сможет прийти, и значит, Димку надо брать на похороны. Там он увидит Машу... Лена отвернулась и взглянула в чистое, только что протертое зеркало. Эта Маша довольно экзотическая особа и молоденькая. Но так ли уж она красива? «Я все же

лучше, – подумала женщина. – Тут мне бояться нечего. Пусть сравнивают – поймут, что Толя рехнулся, и все. Пойду туда и возьму Димку. А на всех остальных мне наплевать».

Она попрощалась с Надей, и та, все еще недовольная, ушла. Уходя, девушка вскользь напомнила, что на днях пора платить зарплату. Лена полезла в сумочку за деньгами и обнаружила там совсем незначительную сумму.

– Хорошо, я заплачу в понедельник, – пообещала она.

Голос ее прозвучал ровно и уверенно. Она все еще говорила, как состоятельная женщина, которую содержит муж, которой не приходится работать. Но теперь начиналась другая жизнь, совсем другая. Лена очень хорошо помнила о банковском счете. Вернее, о том, что никакого счета больше нет. Она могла снять с валютного счета жалкие остатки. Но их не хватило бы даже на то, чтобы рассчитаться с нянькой за месяц. Сейчас Лена проклинала себя, что так безрассудно тратила деньги. Платила бешеные суммы Олегу, который не слишком надрывался. Купила у него пистолет по явно взвинченной цене. Покупала себе дорогие тряпки, туфли носила только от Гуччи, детская комната ломилась от игрушек... Хуже всего была эта последняя мысль. Пройдет несколько недель, и мальчик не получит ни одного подарка на день рождения. Он слабый, капризный, избалованный. Она сама сделала его таким. Хотела, чтобы он чувствовал себя полноценным, ни в чем не отказывала, позволяла топтать себя ногами... Лена вздрогнула. «Полноценным? Почему я подумала именно так? Значит, он даже для меня неполноценный? Я это знаю, я это чувствую? А что скажут другие? Его будут считать уродом, смешным недоразумением...»

Она заглянула в комнату к ребенку. Конечно, тот и не думал заниматься английским. Книжка с картинками была отброшена в сторону. Димка сидел перед компьютером и развлекался интерактивной игрой. Шторы были задернуты, чтобы солнце не напекло комнату. В зеленоватом сумраке, при свете полыхающего монитора, сын показался ей инопланетянином. Мальчик слегка повернул голову.

– Мама, я хочу шлем, – сказал он.

– Что?!

– Виртуальный шлем. Подаришь на день рождения, ладно?

Она растянула губы в улыбке. Ей хотелось плакать, но она улыбалась до тех пор, пока ребенок не отвел глаз от ее лица.

* * *

В восемь утра было еще не жарко. Лена велела сыну сидеть в машине. Тот кивнул и без всякого любопытства оглядел одноэтажное желтое здание. Мать не стала ему объяснять, что это такое.

– Сегодня ты в последний раз увидишь папу, – сказала она, как можно спокойнее. – Веди себя тихо. Это похороны, и тут нужна тишина.

– Ладно, – Димка сунул в рот жвачку. – Я вообще могу не вылезать.

Она хлопнула дверцей машины. Сын был совершенно равнодушен к тому, что должно было происходить. Она провела с ним целый вечер, рассказывая, что отец умер, пыталась приспособиться к его детским понятиям, чтобы объяснить, что такое смерть. Но он слушал невнимательно, и видно было, что это его не интересует. Мальчик не плакал. Казалось, он успел забыть отца прежде, чем тот умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.